

ЮНГИАНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Сибилл
Биркхойзер-Оэри

Мать

Архетипический
образ
в волшебной
сказке

Юнгианская психология

Сибилла Биркхойзер-Оэри

**Мать. Архетипический
образ в волшебной сказке**

1976, 1988

Биркхойзер-Оэри С.

Мать. Архетипический образ в волшебной сказке / С. Биркхойзер-Оэри — 1976, 1988 — (Юнгианская психология)

В этой книге глубинный смысл сказочных образов раскрывается методами юнгианской психологии. Автор сопоставляет бессознательные психические процессы с динамикой мифологических и сказочных образов, проясняя многое из того, что прежде было недоступно нашему сознанию. Темы сказок универсальны, а сказочный язык насыщен символами, типичными для бессознательного, поэтому анализ сказок – это один из подходов к работе с архетипическими идеями и персонажами коллективного бессознательного. Книга предназначена для психологов, психотерапевтов и широкого круга читателей.

Содержание

Предисловие	5
Благодарность	6
1	7
2	10
3	22
4	24
5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сибилл Биркхойзер-Оэри Мать: Архетипический образ в волшебных сказках

Предисловие

Далеко не всегда я охотно откликаюсь на просьбу написать предисловие к новой книге. Этот случай – редкое исключение. Автор данного труда – моя покойная подруга Сибилл Биркхойзер. Я уверена, что из этого текста люди могут почерпнуть много ценных знаний.

К. Г. Юнг весьма кратко формулировал свои мысли и свои научные открытия, поэтому часто бывает трудно понять, как они связаны с повседневными проблемами людей, хотя Юнг писал именно об этих проблемах.

Работая над этой книгой, Сибилл Биркхойзер применяла свой «фемининный подход», основанный прежде всего на эмоциональном ощущении; с помощью этого подхода она исследовала фигуру, образ и роль матери как в реальной жизни, так и в человеческой психике. Эта книга, созданная на основе концепций Юнга, дает многим женщинам ясное представление о фемининных проблемах. Однако эти архетипические связи важно знать и мужчинам, так как их проблемы, вызванные материнским комплексом, тесно связаны с развитием и проявлением их творческих способностей. Кроме того, как показано в последней главе, за многими духовными созидательными и разрушительными феноменами стоит универсальный образ богини – Великой Матери.

Книга Сибилл Биркхойзер – это не психологическое исследование европейского фольклора. Автор сопоставляет бессознательные психические процессы с динамикой мифологических и сказочных образов, проясняя многое из того, что до сих было недоступно нашему сознанию. Этот материал имеет прямое отношение ко многим психологическим проблемам, Сибилл Биркхойзер собирала его по крупицам в течение многих лет, опираясь на собственный опыт, свой индивидуальный анализ и клиническую практику юнгианского аналитика.

Эта книга написана, чтобы помочь людям, и я убеждена в том, что она достигает этой цели. Для многих она станет источником света во мраке, полном опасностей и ложных надежд, угрожающих образам «мира матерей».

Мария-Луиза фон Франц

Благодарность

Во время работы над редактированием и подготовкой для печати текста этой книги моя жена скоростно скончалась. Ее подруга, Мария-Луиза фон Франц, закончила работу по редактированию рукописи и собрала фрагменты текста в единое целое. Я выражаю ей свою сердечную признательность за эту работу.

Я также очень благодарен Рене Маламуду за его доброту и поддержку, благодаря которой эта книга вышла в свет в оригинале на немецком языке.

Питер Биркхойзер-Оэри

1

Введение

Читать сказки можно по-разному: увлекаясь их сюжетами и образами, проводя антропологическое исследование, в целях образования и т. д. Перед психологом встает вопрос: что можно узнать из сказки о человеческой психике? Психологи полагают, что в сказочных образах и сюжетах есть скрытый, глубинный смысл, который далеко не очевиден на первый взгляд. В этой книге он раскрывается методами юнгианской психологии.

При изучении сказок прежде всего следует составить представление о людях, в воображении которых возникли эти сказки. В подавляющем большинстве они были близки к природе. Сказочные истории не сочиняли, задавшись определенным намерением; напротив, они создавались спонтанно и постепенно приобретали современную форму благодаря многочисленным пересказам, поэтому их темы универсальны, а сказочный язык насыщен символическими образами, типичными для бессознательного.

Но если сказки рождаются в глубоких слоях бессознательного и затрагивают общие душевные струны, это вовсе не значит, что их просто понять. Они не так-то легко выдают свои тайны, причем по вполне понятной причине. Люди из далекого прошлого, в воображении которых они создавались, благодаря своей близости к природе обладали совершенно иным менталитетом, чем современные люди.

Как и сновидение, сказка – это бессознательный продукт воображения. Разница заключается в том, что это не продукт фантазии одного конкретного человека, а результат коллективного творчества многих людей, возможно, целого народа. Иначе говоря, она связана с проблемами не одного человека, а значит, более универсальна по своему содержанию, чем большинство сновидений.

Интерпретируя некое сновидение, аналитик работает с проблемами конкретного человека, он знает, что во сне бессознательное подсказывает способы их решения. Будучи продуктом коллективного воображения множества людей, сказки аккумулируют сновидения всего человечества и содержат решения разнообразных общечеловеческих проблем. Сказки дают возможность постичь типичные душевные драмы, а сказочные образы присутствуют в психике любого человека. Тот, кто хочет найти в сказках смысл, не ищет решения личных проблем, что было бы тривиально, а углубляется в основы общечеловеческого бытия.

В сказках заложено представление о здоровой духовной жизни, которой нам так не хватает. С точки зрения психологии, это путь к бессознательному, который следует отыскать заново. Анализ сказок, как и анализ сновидений, – это попытка перекинуть мост в бессознательное, к сфере богатейших внутренних образов. Многие люди уже не улавливают смысла сказочных образов, которые перестали быть для них понятными. Неиссякаемый источник знаний, заключенный в сказках, стал для нас недостижим, поэтому их ценность снизилась. Однако еще можно предпринять усилия для восстановления утраченного, и эти труды многократно окупятся.

От Юнга мы узнали, что в бессознательном хранится не только вытесненное психическое содержание. Изучая человеческую душу, он понял: все новое, что появляется в человеческой психике, – это продукт деятельности бессознательного, неиссякаемого источника психической и духовной жизни. Эта идея является ключевой для юнгианской психологии. Она создает отношение к бессознательному как к реальной действующей силе, которая может нести и добро, и зло.

Все сказочные персонажи: феи, драконы, ведьмы и гномы – это архетипические образы, существующие в самых глубинных слоях психики. Независимо от того, осознаем мы это или

нет, они воздействуют на нас, так как являются психологической реальностью. Юнгианская интерпретация не дает их полного объяснения, но привлекает их, чтобы найти путь к внутреннему переживанию, которое воплощается в символической, сказочной форме.

Сказочные события отражают живую психологическую реальность. Отлучив себя от мира образов, мы отрежем себе путь к главному источнику своей внутренней энергии.

Глубоко в человеческом бессознательном заложен кладез знаний, или универсального духовного опыта, который может нас обогатить, если мы получим к нему доступ. Юнг назвал этот уровень психики коллективным бессознательным, уровнем архетипов.¹

Анализ сказок – это один из подходов к работе с архетипическими идеями и персонажами коллективного бессознательного. Чтобы удовлетворять требованиям сознания и его интеллектуальным абстракциям, сказочные образы должны найти свое выражение в психологических понятиях. Через абстрактные понятия можно выразить гораздо меньше, чем через красочный образ, но для человека, не слишком хорошо ориентирующегося в мире символов, они могут стать средством познания.

Интерпретация сказок – это попытка обозначить чрезвычайно глубокие и выразительные послания, скрытые в глубине психики, путем сравнения их с мифами, религиозными идеями и сновидениями. По существу, интерпретация сказок – это указание на то, что современные люди часто не могут увидеть сами. Сегодня у нас в основном заселены верхние этажи нашей психологической структуры, а значит, мы отрезаны от своих корней, от своей основы.

Сказки позволяют по-новому оценить фундаментальные основы психики. Поэтому в них повествуется об общеизвестном, об очень простом и ясном. «В таком случае, – могут удивиться некоторые из нас, – зачем их вообще надо интерпретировать?» Возможно, затем, что именно их простота, к которой мы так привыкли, закрыла им путь в мир сознания.

Некоторые люди уверены, что обычная сказка просто не может касаться серьезных проблем и что интерпретаторы видят в ней много того, чего в ней нет. Лично я отношусь к интерпретации как к некой разновидности перевода. Чем лучше и точнее человек переводит, тем больше поразительных вещей он открывает для себя. А почему нет? Ученый-естественник в результате кропотливой работы тоже открывает процессы, которые являются результатом действия неизвестного ему разума природы, причем мощь этого разума превосходит интеллект ученого. Разве это удивительно? Почему не может где-то существовать интеллект, превосходящий возможности нашего разума? И почему мы не можем приблизиться к мудрости бессознательного? Точно так же мы поступаем при интерпретации сновидений. Мы просто не сможем понять проблему нашего пациента, пока тщательно не проанализируем его сновидения. Именно они часто ясно показывают, в чем именно заключается его проблема.

Иногда в сказках слышится голос первобытной ментальное™, того времени, когда все содержание нашей психики проецировалось на природу. Деревья и животные имели голоса и выражали человеческие мысли и чувства. Сегодня мы можем себе представить такое состояние психики, изучая древние религии.² Но первобытная ментальность по-прежнему является частью нашей психики, с которой большинство из нас потеряло контакт. Если бы эта часть психики играла второстепенную роль, мы не страдали бы от ее потери. На самом деле ее роль значительна. Из толкования одного сновидения мы можем извлечь неоценимую пользу, услышав подсказку голоса, доносящегося из бессознательного.

¹ См.: A Psychological View Of Conscience. Civilization In Transition // CW 10. Par. 847: «Понятие архетипа... возникло вследствие неоднократных наблюдений, что, например, мифы и сказки мировой литературы содержат определенные мотивы, которые возникают повсюду. С такими же мотивами мы сталкивались в фантазиях, сновидениях, бреде и иллюзиях наших современников». См. также: Symbols of Transformation, CW5. Par. 337: «Архетипы имеют форму русла рек, по которым всегда протекал поток психической жизни».

² См.: Laurens van der Post. Hie Lost World of the Kalahari Desert. London: Penguin Books, 1968.

Связь с этой частью нашей личности помогает нам избежать невроза, ибо там находится источник наших жизненных сил и творческих способностей. Именно поэтому так важно заново осознать деятельность этой части психики человека, который прежде был частью природы. Эта часть нашей психики не оперирует абстракциями. Она выражает себя на языке образов и символов. Она живет не в нашем мире сознательных противопоставлений. Например, на этом уровне наше понятие времени, наши «сегодня» и «завтра», содержат гораздо меньше абсолютного смысла, чем на уровне сознания. Эта часть нашей психики существует в относительных понятиях вне времени. К тому же ей известны чудеса, которые находят свое отражение и в сказках.

Все это трудно постичь с помощью нашего современного научного способа мышления. Это содержание кажется ему лишенным здравого смысла. Разумеется, нам не нужно возвращаться к первобытному мышлению. Это следует особенно подчеркнуть. Многие люди уверены в том, что могут интегрировать свое бессознательное, капитулируя перед ним. Наша задача состоит в том, чтобы, сохранив сознательную установку, признать, что можно смотреть на жизнь совершенно по-иному и что такой взгляд сохранился не только в сказках, но и у нас самих. Это единственная установка, которая, может быть, как-то примирит научное и первобытное мышление.

Один пример чуждого нам примитивного мышления – отсутствие явного различия между субъектом и объектом. Обладая высокоразвитым мышлением, человек научился отличать внутреннее от внешнего. Действительно, этому нужно научиться, если мы не хотим навсегда остаться детьми. Первобытного и современного человека, обладающего более развитым сознанием, объединяет именно то, что они оба осознают, что душа живая. Первобытный человек *пока еще* это осознает, а современный мудрый человек – это тот, кто вновь обрел это знание, а потому обладает им на более высоком уровне.

Интеллектуальное развитие человечества было связано с потерями, которые нам следует компенсировать.

Безусловно, мы научились различать внешнюю и внутреннюю реальность. Мы уже не такие наивные, как первобытные люди, которые, увидев в лесу дьявола, считали его объективной реальностью, совершенно не догадываясь, что это всего лишь видение. Если у нас возникает видение, то обычно мы исключаем его содержание из своего знания, ибо нам известно, что оно не имеет отношения к внешней реальности. Но это, в свою очередь, означает, что мы утратили доступ и к автономным психическим процессам, и к их глубинному содержанию. Нам не хватает подлинной интроспекции. И это – наша величайшая потеря. Она вызвала психологическое расщепление, перекрыв нам доступ к глубинным слоям нашей психики и оставив нас наедине с нашим Эго.

Первобытные люди имели прямой доступ к бессознательному, и все увиденные ими таинства и ужасы трансформировались в содержание сказочных образов. Эти образы воплощают внутреннюю драму души, которую мы ошибочно стараемся свести к чему-то внешнему. При интерпретации сказок очень важно отдавать себе отчет в существовании такого рода опасности. Только посмотрев внутрь себя, взглядевшись в реальность бессознательного, мы можем осознать глубинный смысл сказок и обрести собственную целостность.

2

Архетип матери

Цель этой книги – психологическое исследование сказочных образов матери. Сказки можно назвать портретами человеческой души, в них запечатлено представление о Земной Матери в совокупности ее положительных и отрицательных образов, в типичных, повторяющихся мотивах.

Известно огромное количество самых разных сказочных образов матери, это неизбежно вызывает серьезные затруднения при классификации сказок в соответствии с характерными чертами материнского образа. С одной и той же сказкой мы можем встретиться в разных главах этой книги. Чтобы как-то упорядочить столь разнородный материал и облегчить его понимание, иногда нам придется делать акцент на каком-то одном аспекте материнского персонажа и оставлять в тени другие его аспекты.

Материнские сказочные персонажи кардинально отличаются от реальных женщин-матерей. Зачастую персонажи сказок обладают животными или сверхъестественными чертами. Например, они в чем-то могут быть добрее или, наоборот, злее, чем обычные земные женщины-матери. По внешности они также сильно отличаются от реальных людей. Среди них могут быть ужасные злые ведьмы с красными глазами и длинными крючковатыми носами, которыми они могут затолкать кого-то в печь; или же прекрасные воздушные феи, которые похожи на богинь. Часто такие персонажи обладают сверхъестественной силой, способностью к колдовскому воздействию или превращению в животных, как, например, ведьма в сказке братьев Гримм «Иоринда и Иорингель»,³ которая в течение дня могла превращаться в кошку или в сову. Феи предсказывают будущее, добрые старушки помогают сказочному герою, даря ему разные волшебные средства: скатерть-самобранку или волшебный свисток, призывающий на помощь добрых и трудолюбивых гномов.

Несомненно, в сказках выражается внутренняя, а не внешняя реальность, поэтому материнские персонажи кажутся такими странными: они воплощают разные аспекты материнства; это не образы конкретных женщин-матерей, а символы или архетипические образы матери. Эти особые персонажи указывают на то, что понятие матери и связанные с матерью переживания гораздо богаче, чем, мы привыкли себе представлять.

Понятно, что представление человека о матери совершенно не обязательно совпадает с его восприятием в этом качестве конкретной женщины. Это значит, что представление о матери играет такую же важную роль в психической жизни человека, какую играет его родная мать, и мы постоянно в разных ситуациях сталкиваемся с таким представлением как с внутренней реальностью: или в виде полезной, поддерживающей силы, или в виде потенциальной опасности.

Чтобы понять природу материнского архетипа, нужно задуматься о сущности материнского начала. В самом широком смысле оно символизирует жизненный опыт каждого живого существа. Ни одно из них не было сотворено из пустоты; у каждого есть мать. В этом смысле вся психическая жизнь имеет прамать, которая существовала до появления сознания и которая, возможно, будет продолжать существовать, когда свет сознания погаснет. Она была, есть и будет, это наше психологическое *sine qua non*,⁴ это бессознательное, которое относится к сознанию, как мать. Архетип матери является той сущностью, которая на нашем прозаичном

³ Здесь и далее тексты сказок братьев Гримм цитируются по следующему изданию: Братья Гримм. Сказки. М.: Худ. лит., 1978.

⁴ Непременное условие (лат.).

психологическом жаргоне называется бессознательным, его материнским аспектом, который включает тело и вообще все таинства, связанные с материей.

Таким образом, в образе матери воплощается не только психологическая, но и физическая основа человеческого существования, включая представление о теле как о сосуде, вмещающем душу.⁵ Современных людей особенно поражает таинственная тесная связь тела с бессознательным, одно из проявлений которой состоит в том, что многие люди слишком большое значение придают инстинктивным влечениям. Возможно, так осуществляется, в частности, бессознательный поиск Земной Матери.

Юнг дает следующее обобщенное описание архетипа матери:

С ним связаны материнские черты: проявление внимания и сочувствия; магический авторитет фемининности; мудрость и душевный подъем, распространяющийся за рамки формальной логики; любой полезный инстинкт или импульс; все, что называется добротой; все, что дает заботу и поддержку, способствует развитию и плодородию. Это место магической трансформации и возрождения вместе с потусторонним миром и его обитателями находится под покровительством Матери. Из негативных аспектов материнского архетипа можно отметить все тайное, скрытое, темное; пропасть; мир мертвых; все, что пожирает, соблазняет и отравляет; все, что вызывает ужас и является неизбежным, как сама судьба.⁶

Архетип матери тесно связан с той частью психики, которая по-прежнему полностью остается во власти природы: именно поэтому мы часто употребляем выражение Природа-Мать. Противоположным полюсом должен быть Дух-Отец. Архетипы отца и матери представляют собой два главных принципа бытия. Мы называем их логос и эрос, или, как в китайской философии, ян и инь. Они могут существовать вместе, образуя гармоничное целое, или противостоять друг другу. Отец воплощает активное, творческое начало; мать – восприимчивость и заботливость. Хотя, как мы убедимся впоследствии, у матери существует и духовность, материнское начало относится главным образом к природе, т. е. оно связано с инстинктами и физическими влечениями. Негативное воздействие материнского начала может оказаться таким сильным, что оно превратится в препятствие для духовных устремлений человека.

Некоторые трудности постижения образа матери связаны с тем, что его бессознательное весьма неоднородно по содержанию, а также с наличием общих символов для всего коллективного бессознательного. Но бессознательное как изначальное единство содержит все возможные противоположности.⁷ Это можно проиллюстрировать на примере древнеегипетского текста о матери-богине Нейт, в котором говорится, что «божественность стоящей у истоков Нейт существует вне половых различий. В ней, "сотворившей семя Бога и человека", маскулинные и фемининные силы по-прежнему остаются неразделенными... она является "отцом отцов" и "матерью матерей"». ⁸ Этому вторит описание индийской Первоматери Адити:

*Адити – это небо, эфир,
Адити – это мать, отец, сын.
Адити – это все боги и люди,
Все, что уже родилось и что рождается потом.*⁹

⁵ См.: The Practical Use of Dream Analysis // The Practice of Psychotherapy.

⁶ Psychological Aspects of the Mother Archetype // The Archetypes and the Collective Unconscious. CW 9i. Par. 158.

⁷ По этой причине, как мы убедимся позже, «мать» не только вызывает проблемы, связанные с противопоставлением духовности инстинктивных влечений, но и разрешает их, ибо она соединяет в себе противоположности.

⁸ См.: Bonnet Hans. Reallexikon der Egyptischen Religionsgeschichte. Berlin: de Gruyter, 1952. P. 515.

⁹ Rigveda 1, 89, 10.

Таким образом, энергия материнского архетипа – это непостижимая сила, которая может легко подавить человека. При этом она является источником всего нового.

Это обстоятельство ставит перед нами фундаментальный вопрос моральной неоднозначности фигуры Земной Матери. Почему в одних сказках она появляется в образе милой доброй старушки, а в других – в образе злой и страшной ведьмы? С одной стороны, можно считать, что это противоречие существует постоянно, так как все архетипические персонажи неоднозначны в своих проявлениях, как неоднозначна сама природа. С другой стороны, эту фигуру следует рассматривать в связи с обстоятельствами, в которых находится читатель. Как известно, образ матери прежде всего выражает физическое и инстинктивное ощущение бессознательного, а значит, его конкретное воплощение часто будет зависеть от того, как человек связан, или должен быть связан с этой стороной психики.

Для некоторых людей, в особенности для тех, кто не чувствует себя уверенно в мире бессознательного, такие влечения становятся опасными. Тогда материнские фигуры будут пагубно влиять на их психику. Их, как и главного героя сказки братьев Гримм «Загадка», вынуждают пить отравленное зелье. Но для других эта же материнская фигура может оказаться спасительницей. Бывает так, что люди ограничены узкими рамками своего сознания; они могут делать лишь то, что считают целесообразным, хотя им следовало бы научиться принимать во внимание импульсы, исходящие из бессознательного.

Но при правильном восприятии фигуры Земной Матери она оказывается не отравительницей, а помощницей и надежным проводником. Представление о матери в основном, если не полностью, определяется жизненными обстоятельствами человека и его способностью правильно интерпретировать ее образ. Обладая умением психологически мыслить, можно объективировать эту полезную и опасную энергию и таким образом установить с ней связь.

Есть люди, которые находятся в тесной взаимосвязи с родной матерью, а потому они обречены испытывать воздействие материнского бессознательного и пытаются войти с ним в контакт. Понятие «материнский комплекс» изначально имело патологический смысл и свидетельствовало о наличии психопатологических или психических расстройств. Однако Юнг значительно расширил смысл этого понятия, и с тех пор оно стало характеризовать также и позитивное воздействие. Мы вслед за Юнгом¹⁰ будем употреблять этот термин именно в этом, широком смысле.

Быть в тесной взаимосвязи с матерью – значит находиться под влиянием материнского архетипа. Станет ли результат такого влияния пагубным или благотворным – это зависит прежде всего от той связи, которая сформировалась у человека с внутренним образом матери. На первый взгляд, кажется, что причиной всех трудностей любого человека является его родная мать. Однако Юнг обнаружил, что родная мать – не единственная причина нарушений, типичных для негативного материнского комплекса; существенное воздействие оказывает также и архетип матери. Вечное проявляется в индивидуальном. Но даже если вечный образ снова и снова находит свое воплощение в конкретном человеке, все равно нельзя говорить об идентичности индивидуального и архетипического. В конце концов, архетип недоступен прямому наблюдению. С другой стороны, он может проявляться в жизни конкретного человека, в том числе и в его объективных ощущениях:

¹⁰ См.: Psychological Aspects of the Mother Archetype // The Archetypes and the Collective Unconscious, CW 9i. Par. 164. См. также: Symbols of Transformation, CW5; Neumann Erich. The Great Mother: An Analysis of the Archetype // Bollingen Series XLVII. Trans. R. Manhei. Princeton: Princeton University Press, 1972. Как уже отмечалось ранее, понятие «комплекс» следует воспринимать не только в отрицательном смысле, но и как совокупность существующих в психике эмоционально заряженных образов, находящихся в окружении сильных эмоций, как фокус психической энергии, как психическое ядро, оказывающее значительное влияние на человеческую жизнь.

От материнского комплекса нельзя избавиться, слепо низводя образ матери до масштаба обычного человека. Кроме того, мы подвергаемся риску измельчить ощущение «Матери» до атомарных размеров и таким образом погубить нечто чрезвычайно ценное, выбросив золотой ключик, который положила нам в колыбель добрая фея.¹¹

«Золотой ключик» – это ключ к бессознательному. Он золотой, так как часто открывает доступ к скрытым богатствам. Разумеется, многие люди с материнской фиксацией никогда не получают этот ключик, а значит, они постоянно будут ощущать пагубное влияние материнского архетипа, которое, как правило, проявляется через дисбаланс инстинктивных влечений.

По мнению Юнга, активизация негативного материнского комплекса у дочери всегда проявляется в повышении или, наоборот, в снижении активности в сексуальной сфере. Активизация этого комплекса у сына приводит к гомосексуальности или к «донжуанству». ¹² В обоих случаях поражаются инстинктивные влечения, которые могут повлиять на духовное развитие. Вместо того чтобы объединиться в гармоничный и плодотворный союз, Дух-Отец и Земная Мать вступают в конфронтацию. Точно так же логос и эрос могут ощущаться и как единое целое, и как конфликтующие между собой противоположности.

Земная Мать выступает противницей любого проявления духовности и сознания, как, например, страшная ведьма, живущая в лесной чаще. Чтобы избавиться от негативного образа матери, сказочный герой нередко должен ее победить или даже убить. Людям с фиксацией на материнском комплексе иногда угрожает также пагубная привязанность к традиции, к отжившему прошлому. В других случаях негативная сторона материнского комплекса может вызывать у человека позитивное стремление сохранить связь со своими корнями.

Не стоит забывать о том, что и мать обладает золотым ключиком; иными словами, правильное отношение к бессознательному может открыть доступ к новым духовным ценностям. Поэтому архетип матери играет особую роль в переходные периоды, как, например, в наше время; причем не только в жизни отдельных людей, но и в жизни в целом. С одной стороны, архетип матери может приводить к массовой истерии, с другой – он способствует возникновению чего-то нового. Человек с фиксацией на материнском комплексе имеет все возможности вступить в контакт с бессознательным, т. е. открыть в себе совершенно новую духовную установку. Но такой человек может оказаться в состоянии отчуждения, часто патологическом, животном, которое нередко проявляется в столь же бессознательных артистических способностях.

Человек с сильным материнским комплексом приговорен к творчеству самой природой; только через творческую деятельность он может хотя бы на время обрести свободу от матери. В основном его страдания вызваны не привязанностью к родной матери, а привязанностью к бессознательному. Только через осознание того, что именно материнская основа психики постоянно побуждает человека к творческой деятельности, он может действительно освободиться от матери, но даже в этом случае – лишь временно. Творчество позволяет освободиться от влияния матери до определенного рубежа, пока она не применит более мощное оружие – болезни и старение, чтобы окончательно увлечь нас во мрак смерти.

Великая Мать – это богиня неуправляемых, экстатических и заразительных страстей. Тенденция к проявлению таких страстей очень заметна в современном мире. Кроме того, Великая Мать – это богиня, которая действует в темноте и не хочет быть на виду, подобно древнеегипетской богине Саосис или индийской богине Кали Дурга, которую называют недостижимой. В особенности нас пугает ее жуткое призвание быть кровожадной богиней войны и ее

¹¹ Psychological Aspects of the Mother Archetype // The Archetypes and the Collective Unconscious, CW 9i. Par. 172.

¹² Ibid. Par. 156ff.

ужасная роль нести смерть. Хотя такой образ представляет опасность для всех людей, на него нет общего ответа – в сказках только один конкретный персонаж бросает ей вызов. Конфронтация с архетипом всегда остается уделом отдельной личности.

Земная мать воплощается в сказках в образе пожилой женщины: ведьмы или доброй феи, живущей в лесах или поблизости от воды. Иногда ее можно встретить на зеленом лугу или на горе, как, например, древних богов, живших на Олимпе. Ее жилище может быть в подземном царстве – на залитом солнцем лугу, на котором растут цветы и яблони, как в сказке «Госпожа Метелица».¹³ Ее характерной чертой является тесная связь с животными. Это коллективный символ, обобщенный образ, поскольку человеческий опыт включает покорение и одухотворение природы. В сказках природа ни в коем случае не мертва, она является одушевленной.

Эта фигура отчасти воплощает прошлое состояние человеческой психики. Но отчасти она символизирует и ее будущее, так как одной из самых актуальных проблем человечества является дихотомия природы и духа. Во многих сказках, как и в алхимических образах, мы видим попытку освобождения заключенного в природе духа. Обычно такое заключение символизирует судьба сказочного героя, превращенного в дикого зверя, которого следует освободить от наложенного на него заклятья.

Открытие Юнгом коллективного бессознательного и совершенствование способов познания его природы указывают путь, который может привести к решению этой проблемы. Но наблюдаемое у большинства людей разъединение природы и духа по-прежнему не поддается исцелению на практике. Очень немногие люди, которые уже пришли к осознанию своего бессознательного, своей собственной природы, могут помочь остальным избавиться от их психологических неприятностей и проблем. Обнаружить в сновидениях разумную подсказку для них столь же невероятно, как узнать, что их любимая кошка или фруктовое дерево заговорили и стали давать советы. Но в сказках происходит именно так, и именно в этом содержится важная истина.

Сегодня мы рискуем утратить связь с надличностными ценностями, так как наше развитое сознание больше не позволяет относиться к ним наивно. Юнг был одним из первых, кто ощутил, что такое отделение от надличностных ценностей приводит к появлению многочисленных неврозов. Но при этом лишь очень немногие люди знают причины своих страданий, а большинство считает тот или иной симптом следствием какого-либо заболевания. Подавляющее большинство людей вообще не осознают своей дезориентации в жизни и односторонности личностного развития. Они даже не осознают, что человек, который опирается только на свое Эго, не может жить полноценной здоровой жизнью, и проецируют свою неудовлетворенность на какие-то внешние проблемы. Но Юнг, имевший многолетний опыт психиатрической практики, пришел к выводу, что даже человек, который не верит в существование богов и богинь, может найти им внутренний психологический эквивалент и ощутить то, что называется самостью, – организующий центр психики.¹⁴

Поиск правильного подхода к своим эмоциональным затруднениям стал главной проблемой современных мужчин и женщин, независимо от того, осознают они их или нет. Высокий процент разводов свидетельствует о возрастании нашей беспомощности в этой сфере жизни. Даже если проблема не заходит так далеко, отсутствие устойчивого отношения к любви как к психологической реальности, или в более общих понятиях – как к фемининному началу, часто вызывает серьезные страдания.

¹³ В оригинале эта сказка называется «Mutter Hölle», или в дословном переводе «Адская матушка», но в переводе на русский язык она получила название «Госпожа Метелица». CW 16. Par. 344. (Прим. пер.)

¹⁴ Согласно определению Юнга, самость – это «величина более высокого порядка, чем Эго-сознание». (Two Essays on Analytical Psychology // CW 7. Par. 274) О невозможности провести различие между самостью и образом Бога см. также: The Spirit Mercurius // Alchemical Studies. CW 13. Par. 289.

В поисках руководства к действию мы часто обращаемся к религии, так как хорошо сознаем, что один интеллект не может привести к решению серьезных психологических проблем. В христианстве, особенно в его протестантской ветви, нет фемининного божества, которое могло бы стать идеальным образом, поэтому люди ищут его в других религиях или в иных формах проявления духовности, например, в сказках, существующих параллельно с официальными догматами церкви. Зародившись в глубинных пластах человеческой культуры, сказки имеют связь и с глубинными слоями индивидуальной психики.

В сказочных женских персонажах, которые мы далее будем анализировать в этой книге, можно увидеть некоторые черты женских божеств, относящихся и к традиционным, и к более древним религиям. В сказках используется материал из таких глубин бессознательного, что их текст, по сути, представляет собой содержание той части психики, которая исчезла из человеческого сознания тысячи лет назад. Сказки рождались на уровне культуры, почти не затронутым патриархальными тенденциями; например, в странах восточного Средиземноморья до сих пор распространены сказочные сюжеты, повествующие о великих богинях древних цивилизаций. В сказочных персонажах, как и в образах древних богинь, мы находим элементы образа надличностной фемининности, которая никогда не умирает, даже если ее трижды убить, как Белоснежку. Как и способность человека любить, этот образ фемининности часто проходит через смерть и обновление.

И в древние времена, т. е. в эпоху эллинизма, и позже, особенно в христианскую эру, в культуре стало доминировать маскулинное начало, (логос), которое подавляло и вытесняло фемининные архетипы. Сегодня фемининное начало в учениях ведущих религий (например, христианства) представлено гораздо беднее, чем в таких формах выражения бессознательного, как сказки. Я постараюсь показать значение этой божественной фемининной энергии, фемининного начала, которому тысячи лет назад поклонялись как великой богине, на примере нескольких сказок, где это фемининное начало сохраняется до сих пор.

Но так как сказки, которые мы обсудим чуть позднее, в основном возникли в христианских странах, нам следует коснуться отношения христианства к природе. Согласно официальным взглядам христианской церкви, природа и тело значат гораздо меньше духовности, поэтому фемининная часть божества оказалась в тени. Возможно, именно по этой причине в европейских сказках темная сторона Земной Матери представлена в значительно большей степени, чем светлая. Это своего рода компенсация исключения христианством из образа Бога темной стороны фемининности, а по существу, – сил зла.

Такое исключение темной стороны фемининности не принесло человечеству никакой пользы, в особенности женщинам. Ибо женщина может стать целостной личностью только обладая фемининным образом целостности или имея идеал, богиню, в которой воплощается не только светлая сторона жизни. Такой образ служит ей защитой от односторонней идеализации фемининности и материнства. Не распознав черт темной матери в самой себе, она подвергается риску идентификации только с ее светлой стороной. Однако она все равно проживает эту темную, теневую сторону, но делает это бессознательно; иначе говоря, и она сама, и окружающие ее люди подвергаются серьезной опасности. По мнению Юнга, женские персонажи больше стремятся к целостности, тогда как мужские персонажи – к совершенству. Точно такая же тенденция существует и в природе, и у Земной Матери:

Вот что пишет Юнг о христианстве:

Им охвачено практически все существенное, что известно о проявлениях психики в сфере внутренних ощущений, но оно не включает в себя Природу, по крайней мере, в сколько-нибудь узнаваемом виде. Поэтому в каждый период истории христианства существовали глубинные или скрытые течения, которые

стремились исследовать эмпирический аспект Природы не только извне, но и изнутри.¹⁵

Говоря о «глубинных или скрытых течениях», Юнг имеет в виду прежде всего алхимию и гностицизм. Но сказки тоже являются разновидностью глубинных течений, поскольку в них ярко изображается и поклонение природе, и ее неоднозначность. Сказки чаще оказываются ближе к природе, чем христианское сознание, а потому они не только описывают Земную Мать как опасную силу тьмы, но и раскрывают ее положительные стороны: способность помогать, исцелять и творить, быть источником духовности и составлять единое целое с природой и телом. Она воплощает эротическое начало, соединяющее противоположности, тогда как логос их разделяет.

Однако архетип Земной Матери следует понимать с точки зрения его противоположности – архетипа духа. Дух мог сохранять свою независимость, только постоянно ощущая свою противоположность и осознавая свое взаимодействие с природой. Земная Мать – полюс, противоположный духу, который его уравнивает.

Исследуя фигуры Земной Матери в сказках христианских стран, мы не должны забывать о столь типичном для христианского сознания конфликте между природой и духом, ибо в какой-то мере именно он послужил причиной возникновения этих сказочных фигур. Этот конфликт объясняет, почему одни из них стали темными, а другие – светлыми. Некоторые сказочные персонажи воплощают его в себе, и тогда в фигуре Земной Матери видится угроза традиционной христианской духовности, а некоторые стремятся преодолеть это расщепление.

Разумеется, христианству труднее всего принять именно темную сторону Великой Матери. В таких сказках, как «Йоринда и Йорингель», эта темная сторона воплощается не только в волшебной силе ведьмы, но и в ее способности превращаться в кошку или ночную сову. Жестокость, с которой кошка играет с пойманной мышью или птицей, – качество, унаследованное ею от дикой природы. Кроме того, кошка в какой-то мере является воплощением здорового эгоизма. Она может подойти к людям и допустить их соседство, а может по своему произволу и желанию убежать от них, и такое поведение полностью соответствует ее природе.

В трактате о Троице Юнг так описал порожденное христианством расщепление природы и духа:

Христианство провело борозду между природой и духом, позволив человеку забегать мыслью не только по ту сторону природы, но и против природы, проявляя тем самым, так сказать, божественную свободу духа. Вершиной этого взлета из природных глубин является троичное мышление, парящее в платоновском, «поднебесном» пространстве. Однако – справедливо или нет, – но оставался вопрос о четвертом.¹⁶

Позже Юнг говорил, что этот «четвертый» надевает на троичное мышление оковы реальности. Таким образом, в нескольких фразах он намечает контуры позитивного развития христианства, а также осложнений, к которым приведет такое развитие. Оно побуждает человека развивать стиль мышления, противоположный природе, но оставляет открытым вопрос о его практическом применении, который одновременно является вопросом о зле и цельности.

В троичном мышлении отсутствует элемент, обозначающий реальность тела. В качестве объективации духа он является «четвертым» и завершающим элементом. Именно поэтому фигура Земной Матери как часть реальности часто создает условия для завершенности, например, помогая сказочному герою вступить в контакт с его душой. Являясь «четвертым» эле-

¹⁵ Aion // CW 9ii. Par. 270.

¹⁶ A Psychological Approach to the Dogma of the Trinity // Psychology And Religion. CW 11. Par. 261. См. также: Юнг К. Г. Попытка психологического истолкования догмата о Троице // Ответ Иову. М.: Канон, 1995. С. 81.

ментом, она часто соединяет противоположности, создавая новое единство. Иначе говоря, она служит воплощением не только тела, не только природы, но и единства природы и духа, которое включает реальность материи.

Фигура Земной Матери может соединять и моральные противоположности: добро и зло. Выполняя функцию объективации, она может заставить человека принять свои теневые качества; чтобы не уступить силам зла, человек должен сопротивляться. Вот почему многие сказочные воплощения Земной Матери являются воплощениями абсолютного зла. В этом случае оковы реальности ощущаются как нечто враждебное духу. Например, человек, который находится во власти своих влечений, в мире бездуховности чувствует себя, как в тюрьме. Так, темная Земная Мать часто заключает сказочного героя в темницу, как это происходит в сказках «Гензель и Гретель» и «Железная печь».

Но сказочная материнская фигура бывает не только негативной, даже когда она является частью мира, совершенно не соответствующего христианским идеалам, как, например, чертова бабушка; как правило, темная мораль Земной Матери все же относительна; хотя она живет вместе с чертом, обычно она помогает сказочному герою избежать его злой силы. В сказке «Разбойник-жених» с разбойниками живет именно старая Земная Мать. И она помогает сказочной героине убежать из разбойничьего логова и, похоже, она долгое время ждала, когда ей самой представится возможность освободиться, ибо старуха убегает вместе с героиней.

Поэтому заведомо неправильно связывать зло и природное начало. Их идентичность *возможна*, но *вовсе не обязательна*; это зависит от индивидуального психологического развития человека и конкретной ситуации.¹⁷

Рассмотрим, например, сказку братьев Гримм «Одноглазка, Двуглазка и Трехглазка», в которой Двуглазка – типичный образ приемной дочери, которую, не покормив, послали в поле пасти козу. Она села на меже и заплакала, причем плакала так, что у нее из глаз слезы лились ручьями. И вот, подняв свои грустные глаза, она увидела стоящую перед ней женщину, которая оказалась волшебницей и сделала ее жизнь счастливой. Образ Двуглазки представляет такой тип людей, которые имели изначальный негативный опыт отношений с родной матерью, а затем, испытывая сильную тоску, начинают ощущать присутствие позитивной материнской основы в собственной психике.

Такого рода сказки описывают психологическое событие, похожее на встречу со сверхъестественным существом, т. е. столкновение Эго с внутренним психологическим фактором, который переживается как более сильный. Они также показывают, как надо вести себя с ведьмами и волшебницами, чтобы извлечь пользу из встречи с ними. Двуглазка с благодарностью принимает помощь волшебницы. Ее добродетель состоит прежде всего в терпении, с которым она встречает удары судьбы. С другой стороны, в сказке «Загадка» королевич внемлет предостережению падчерицы ведьмы и вежливо отказывается от освежающего зелья, которое предлагает ему старуха. Он способен распознать предлагаемое ему отравленное питье и отказаться от него, даже если его предлагают с доброжелательной улыбкой. Понятно, что в данном случае речь идет о внешней опасности.

Человек лучше понимает происходящее, когда угроза идет извне. Однако мы не можем должным образом распознать и оценить угрожающие нам темные силы, пока не столкнемся со столь же опасной темнотой у себя внутри и не окажем ей сопротивление. Например, предлагаемый «яд» мог, например, принять обличье весьма разрушительных мыслей и чувств, которые человеку приходится с усилием от себя отгонять. Так как сказочного героя отравленным питьем угощает материнский персонаж, можно предположить, что он пытается остаться инфантильным, а не идти своим путем, как следует поступать герою. Его задача – сохранить

¹⁷ Подробное обсуждение этой темы можно найти в книге: Von Franz. Marie-Louise. *Shadow and Evil in Fairy Tales*. Zurich: Spring Publications, 1974.

свою душу, т. е. найти способ вступить в контакт со своим бессознательным. Его внутреннее желание уклониться от решения этой задачи уже в самом начале его странствия является ему в виде ведьмы.

Как правило, такого рода процессы очень трудно распознать в реальной ситуации. Человека одолевают мысли или переживания, склоняющие его к определенным поступкам, при том что он, естественно, в отличие от «ведьмы», не считает их «ядовитыми». «Навязывание» осуществляется кем-то со стороны, к примеру, той ведьмой, которая предлагает сказочному герою свое отравленное зелье.

Значительную часть своей жизни Юнг посвятил решению именно этого вопроса: как человеку следует справляться со своими внутренними демонами? Основную помощь в его решении мы получаем от сновидений, содержащих независимые свидетельства того, что происходит с психикой, а также от активного воображения. Этот метод, о котором мы скажем позже, включает активную конфронтацию с бессознательным. Большинство людей из всех сил сопротивляются такой конфронтации. Если позаимствовать сказочную метафору, можно сказать, что они скорее выпили бы отравленного зелья, чем признали бы, что у них внутри существуют силы, сравнимые с колдовскими чарами красноглазой ведьмы.

Чтобы расстаться с иллюзией, что сознание является главной движущей силой психики, требуется немало мужества. Если мы спросим, почему это так, то, как ни странно, обнаружим другой аспект Великой Матери; она воплощает прежде всего бессознательное и тенденцию возврата к бессознательному. В соответствии с результатами подобного возвращения материнская фигура воспринимается либо позитивно, либо негативно. Таков естественный ход событий. Такова суть всего живого. Только люди, да и то лишь в какой-то мере и на очень короткое время освобождают себя от влияний бессознательного, но иногда они просто обязаны это сделать.

Но это означает и освобождение от символической матери. Чтобы добиться этого, нужно погрузиться в собственное бессознательное; такое погружение – необходимая предпосылка достижения более высокого уровня сознания. В конечном счете, источником всего сущего является мать. Где, например, находится источник света? – В темноте. Где источник всезнания? – В невежестве. А сознание, которое является условием всего сущего, имеет свой источник в бессознательном, в пустоте, в матери.

Сентиментальные чувства, которые мы часто проявляем по отношению к матери, возникают без углубления в ее природу. Она предпочитает все время скрывать свое лицо под вуалью. И это лишь часть правды, ибо хотя материнское начало дает рождение, создает новую жизнь, вместе с тем оно символизирует бессознательное. На самом деле у материнского начала есть две стороны: одна стремится создать жизнь и сознание и использует для достижения этой цели все доступные средства, а другая стремится вернуться к бессознательному и небытию: иначе говоря, она несет гибель и разрушение.

Во всем этом ключевую роль играет человеческое сознание. В качестве иллюстрации представьте женщину, которая полностью воплощает положительные качества матери; она уверена в том, что в лучшем случае она может стать только хорошей матерью и больше никем; попросту говоря, она отождествляет себя со своей утробой. На такую женщину темная пагубная сторона материнского архетипа будет оказывать особенно сильное воздействие, так как ее идентификация с позитивной стороной материнского архетипа не позволит ей вступить в контакт с его темной стороной. В результате у нее будут свободно и бессознательно проявляться пагубные тенденции, присущие этой теневой стороне, направленные или против нее самой, или против ее ребенка. В таких случаях темная Земная Мать воздействует через конкретную женщину – через ее собственные негативные черты, которые она сама совершенно не осознает.

Юнг заметил, что некоторые типичные конstellации продолжают периодически появляться в образах сновидений, воплощающих особые области бессознательной психики. Один из таких образов он назвал Тенью. С одной стороны, это понятие относится к темному или

просто примитивному аспекту психики с низким уровнем морали, а с другой – к позитивным сторонам нашей личности, которые мы не осознаем. Например, если уважаемый, трудолюбивый мужчина видит во сне тунеядца, этот образ может воплощать ту сторону его личности, которая не любит работать. Точно так же лентяю может присниться, что он усердно работает. В сказках нередко встречается образ милой, трудолюбивой девушки, у которой обязательно есть злая и ленивая сводная сестра или мачеха; эти образы воплощают ее негативную, теневую сторону. В сновидениях и сказках Тень воплощается в персонажах того же пола, что и главный герой или героиня.

Как отмечалось ранее, проявление материнского архетипа не существует в отрыве от сознательной установки человека. Поэтому мы часто будем исследовать связь главного сказочного героя с материнскими фигурами. Уже упоминавшуюся выше женщину, одержимую материнским архетипом, было бы трудно убедить в наличии этой одержимости, но, может быть, перестав упрямиться, она увидит, что ее установка создает неуправляемые ситуации, которые не совмещаются с ее представлением о себе как о хорошей матери. Затем она, возможно, станет упорно считать себя плохой, как раньше считала хорошей, и, будучи доброй христианкой, уверится в своей греховности. Но одно лишь изменение установки не позволит ей увидеть действующую через нее объективную силу, т. е. темную сторону архетипа матери. Она может прикладывать огромные усилия, чтобы подавить зло, но не сможет этого добиться, не увидев в бессознательном его истинного источника.

Проблема Тени стала главной для многих наших современников. Чтобы решить ее, нужно научиться распознавать добро и зло и видеть различия между ними. Это составляет существенную часть того, что Юнг назвал процессом индивидуации, психологическим путем развития, который приводит человека к конфронтации с теневой стороной его личности и с его внутренним злом, а также включает признание нереализованных возможностей.¹⁸

Осознание относительности добра и зла позволяет достичь здоровья и целостности. Именно поэтому архетип Земной Матери для одних людей воплощает губительные силы, а для других – полезную обновляющую энергию, и по той же причине этой сказочной фигуре присущи совершенно разные роли.

Духовное следование природе потому приобрело теперь такую важность, что в последние столетия мы утратили свою истинную религиозность. Заполнить эту брешь всегда готовы направляющие силы бессознательного. Наличие у человека связи с коллективным бессознательным зависит от множества разных факторов. Один из них – талант человека и сфера его деятельности, но очень важен и момент жизни, когда начинается контакт с коллективным бессознательным, поскольку каждый этап жизни ставит перед человеком разные задачи.

Как правило, жизненный путь молодого человека уводит его в сторону от бессознательного. Он должен ставить перед собой определенные цели и стараться их достичь. Хотя бессознательное присутствует всегда, его вмешательства крайне редки, но если оно и пытается помешать человеку достичь сознательно поставленной цели, то его часто и вполне обоснованно спихивают прочь с дороги. Когда бессознательное пытается поместить человека в темницу и убить его, как ведьма в сказке «Гензель и Гретель», человеку нужно обладать хитростью и грубой силой, чтобы обмануть бессознательное. Он должен быть безжалостным к материнскому

¹⁸ «Индивидуация», становление собственной личности, – это не только духовная проблема, но и проблема всей человеческой жизни. (Psychology And Alchemy // CW 12. Par. 163). Юнг сравнивает стремление к индивидуации с процессом кристаллизации: «Действительно, создается впечатление, что все личные препятствия и драматические перемены в судьбе, которые вызывают напряжение в жизни, были всего лишь сомнениями, робкими уклонениями, очень похожими на незначительные усложнения, и мелочные оправдания, чтобы прямо не столкнуться с завершенностью этого странного и таинственного процесса кристаллизации. Часто у человека создается впечатление, что его индивидуальная психика движется вокруг этого центра, как боязливое животное, очарованное и вместе с тем напуганное, всегда убегающее, но при этом все больше и больше приближаясь» (Ibid. Par. 326). См. также: Юнг К. Г. Психология и алхимия. Пар. 326. М.: Рефлбук, Ваклер, 1997.

бессознательному, так как на этой стадии оно может связать его с прошлым, с услужливым детским состоянием, когда все идет под диктовку матери.

В детстве материнский образ в основном проецируется на родную мать; т. е. архетип и образ родной матери формируют единый комплекс ощущений.¹⁹ Мать – это источник заботы и поддержки. Если мать пренебрежительно относится к своему ребенку или душист его своей чрезмерной любовью, ребенок может воспринять ее даже как деструктивную силу. Но в процессе взросления ребенка материнский образ соединяется с образами других людей. Например, мужчина постоянно проецирует материнский образ на женщину, которую любит. В этом случае он находит в ней все качества, которые у него ассоциируются с «матерью». Это является следствием психологической функции, которую Юнг назвал анимой.²⁰

Хотя образ Земной Матери у женщин имеет тенденцию постепенно выходить из бессознательного, а точнее – из Тени, он продолжает влиять на мужчин через их аниму. Это влияние может быть как позитивным, так и негативным. Например, мужчина с достаточно высоким уровнем интеллекта может иметь достаточно смутные представления о своей эмоциональной сфере. Так как эта область психики ему относительно неизвестна и он не дает ей вмешиваться в его сознательную жизнь, она проявляется самым неприятным способом: в частых переменах настроения, изъятиях «плохого» характера, депрессии или откровенно фемининных предпочтениях, – и все эти нежелательные проявления и предпочтения воплощаются в его сновидениях в образах отрицательных женских персонажей. Такая же психологическая ситуация воспроизводится в сказках, где задача главного героя – жениться на принцессе, и это бракосочетание психически символизирует интеграцию мужской анимы.

В начале совместной жизни женщина, на которую проецируется мужская анима, обычно в какой-то мере идентифицируется с архетипом матери. Это особенно характерно для тех случаев, когда она сама становится матерью. Она ощущает, как ребенок развивается в ее теле и как он появляется на свет, и тогда сама женщина становится воплощением животворного начала. Зачастую она так же слабо сознает влияние архетипа матери, как и мужчина, который проецирует на нее этот архетип. В сказках этот феномен находит отражение в образе молодой женщины, которая действует особым образом или выполняет ряд задач, поставленных перед ней таинственным материнским персонажем, значительно превосходящим ее по возрасту.

Далее мы более подробно рассмотрим некоторые важные аспекты архетипа матери и его воздействие на человека. Мы начнем наше изложение с архетипа разрушителя, затем рассмотрим архетип, формирующий судьбу, и, наконец, архетип, дающий силы для изменения и обновления жизни.

*Мать утащила меня вниз,
В темную глубокую могилу.
Я утонула в ночи,
Где снятся чудесные, сладкие сны,
В волшебном краю,
Куда никогда не пробивается свет.
Там ее мягкие руки обнимут меня,
И я почувствую материнское тепло,
В темноте ее царства.
Там ничего не изменится:
Словно она все время зовет меня*

¹⁹ По существу, проекция означает, что мы «считываем» поведение других людей или уверены в том, что мы находим в них. Если бы мы узнали, что другой человек не такой, как мы думаем, то должны были бы узнать в тех чертах, которые приписывали ему, свои собственные черты, спроецированные на него. См.: Psychological Types // CW 6. Par. 783.

²⁰ См.: Аюп// CW9ii. Pars. 20ff; Two Essays on Analytical Psychology // CW 7. Pars. 202ff.

*Из глубин своего царства,
Вызывая у меня дремоту
И лишая меня сил.
Мое неподвижное тело
Тонет в глубинах океана,
Оно отдано на волю волн,
Бегущих неизвестно куда.
Сначала они крепко меня держали,
Потом потихоньку понесли с собой,
А само их назначение
Лишает смысла мои размышления.
Мощные силы природы
Омрачают мой путь.
О, непостижимое море,
Неужели я никогда не стану свободной?
Прошло несколько часов, и я перестала падать;
Мои ноги коснулись колыбели океана.
И вдруг я увидела сверкающий камень,
Может быть, это сердце моей души?
Лучезарное сияние жемчуга
Видно во мраке ночи.
(Женищина в процессе анализа)*

3

Ужасная мать

Великая Мать вызывает наибольший страх, когда она открыто демонстрирует свои разрушительные способности, становясь ужасной матерью, как это происходит, например, в сказке о Белоснежке. В этом случае Великая Мать принимает в сказках образ злой мачехи, воплощающий деструктивную сторону материнского начала. Темное стремление к уничтожению – такая же часть архетипа матери, как и его светлая сторона, связанная с зарождением новой жизни.

В русских народных сказках «Василиса Прекрасная» и «Баба-Яга» злая мачеха выведена как отрицательный персонаж, который, однако, совершает зло только в определенных границах: она делает все, чтобы главная сказочная героиня оказалась во власти бесчеловечной матери, угрожающей ей смертью; этот материнский образ является сверхъестественным и архетипическим. Это значит, что в Тень каждой женщины входит теневая часть архетипа матери. Хорошо известно, что материнские чувства, проистекающие из эротического фемининного начала, в своих крайних, инстинктивных проявлениях могут погубить объект, на который они направлены. Не вызывает никаких сомнений, что любой женщине изначально присуще стремление к разрушению, и есть опасность, что это стремление будет бессознательно испытывать любая мать, которая не сможет освободить свои материнские чувства от животного инстинкта.

Но осознать – это еще не все. Время от времени женщина может переживать в себе теневую сторону материнства.

Если это переживание происходит осознанно, то оно может способствовать ее освобождению от бессознательного стремления к разрушению. В своем труде «Ответ Иову» Юнг пишет, что современные мужчины и женщины больше не могут уклоняться от воздействия сил темного бога, ибо это божество пытается найти в них свое воплощение.²¹ То же самое можно сказать о темной богине, которая не способна к трансформации без воплощения в человеческом облике, другими словами, без осознания себя женщиной.

Женщина, которая входит во внутренний контакт с фемининным началом, тем самым неизбежно вступает в контакт с архетипической «смертоносной матерью», т. е. с теми чертами женщины, которые ведут ее к саморазрушению, а через нее оказывают пагубное воздействие и на других: на любимого мужчину, на детей и на друзей. Для мужчины внутренний контакт с ужасной матерью означает встречу со своей темной анимой, тогда как для женщины этот контакт связан с переживанием самости.

Жизнь и смерть, обновление и разрушение – это связанные друг с другом и дополняющие друг друга противоположности. Поэтому порождающему жизнь архетипу матери присуща и другая сторона – уничтожение жизни. Это отчетливо проявляется в природе, которая всегда сначала разрушает, перед тем как создать что-то новое. Но психологическое растворение в бессознательном – это не только пагубное воздействие архетипа матери, но и предпосылка всеобщего духовного обновления.

Когда Юнг называет темную сторону материнской фигуры «таинственной, скрытой, пожирающей, соблазняющей, отравляющей и неизбежной, как сама судьба, и пропастью в мире мертвых»,²² речь идет о теневых аспектах образа матери, которые нам известны из мифологии и мировых религий. Например, эти аспекты присущи образам богини смерти и подземного

²¹ Psychology And Religion // CW 11.

²² См. примечание 6.

мира – Персефоны или Гелы.²³ У индусов богиня Кали носит ожерелье из черепов и пьет человеческую кровь, как и древнеегипетская богиня Сехет.

Но, как нам уже известно, архетип матери – это не просто индивидуальная модель материнского поведения. Юнг называет материнский инстинкт «таинственной первопричиной любого роста и изменения».²⁴ Это созидаящая и разрушающая сила, истоки которой находятся в глубине психики, в коллективном бессознательном. Она, как океан, который порождает все формы жизни, а затем снова их поглощает. В зависимости от установок и ситуации, в которой находится человек, в глубине его психики могут зародиться смертоносные силы, которые он обязан осознать.

Самым крайним случаем разрушения сознания архетипами коллективного бессознательного является, по всей видимости, психическое заболевание. Но бессознательное может вызвать и временную дезинтеграцию психики, и тогда человек либо оказывается его жертвой, либо – как в случае невроза или кризиса среднего возраста – подвергается трансформации. Тогда, чтобы изменить сознательный взгляд на мир, бессознательное сначала полностью его уничтожает. Эго иногда вынуждено отказываться от своего превосходства, чтобы человек мог избежать односторонности или излишней твердолобости. Чаще всего через процесс внутренней трансформации проходят творческие люди. Весьма вероятно, что архетип матери содержит равные доли света и тени, но в зависимости от коллективного сознания, присущего данной исторической эпохе, его внешнее проявление включает больше или меньше разрушительных и созидających аспектов бессознательного.

Можно выделить несколько разновидностей сказочных фигур злой матери, например, образ ведьмы или мачехи. Одни материнские персонажи полностью деструктивны для человека, тогда как негативное влияние других материнских персонажей приводит к изменению и обновлению. Разумеется, об этом не говорится прямо, но сказка все-таки приходит к счастливому концу. В последующих главах книги мы рассмотрим оба этих варианта.

Темные материнские персонажи действуют разными способами, чтобы чинить свои козни и распространять злые чары. Они очень любят есть человеческое мясо – сказочные ведьмы нередко намереваются запечь и съесть свою жертву. Иногда они оставляют ее умирать от холода на морозе. Но все-таки чаще всего они стремятся погубить свою жертву с помощью яда, который либо добавляют в пищу, либо насыпают на рану, либо смазывают им иголки и булавки, чтобы потом уколоть героя (или героиню) и таким образом добиться своей цели. Будучи искусными колдуньями и чародейками, они могут ранить или убить героя, превратив его в животное или же в камень, лишают его возможности двигаться; они также могут ослепить его, лишить способности слышать или говорить.

На примере сказок, рассмотренных в этой книге, мы исследуем психологические интерпретации ряда вредоносных приемов. Мы увидим, что, встречаясь с ужасной матерью, одни герои гибнут, а другие стремятся избежать гибели или даже оживают вновь благодаря правильному поведению. Иначе говоря, одних людей архетип матери может психологически разрушить, тогда как другие, оказавшись в опасности, находят свой путь и проходят испытания, предназначенные для героя. Благодаря матери у них раскрываются творческие способности.

Позитивная и негативная стороны бессознательного, а значит, и архетипа матери тесно связаны между собой. Конечно, эта связь проявляется не в каждой сказке, и отнюдь не у каждого женского персонажа ярко выражены его темные и светлые стороны. Но если рассматривать сказки как одно целое, можно увидеть, что темные женские фигуры создают позитивные женские ценности, и наоборот. Один такой пример нам очень хорошо известен: это сказка о Белоснежке, на которой мы остановимся в первую очередь.

²³ Богиня в религии ингушей и чеченцев.

²⁴ Ibid. Par. 172.

4

Ревнивая мачеха

Сказку о Белоснежке, как и многие другие сказки, упомянутые в этой книге, мы будем рассматривать прежде всего с точки зрения фемининной психологии. По мнению Юнга, у женщин материнский образ можно наблюдать в гораздо более чистом виде, чем у мужчин.²⁵

У мужчины материнский образ всегда смешивается с фигурой противоположного пола, с анимой, с его первичным ощущением женщины. Поэтому материнский образ реже предстает в образе чистой фемининности, чем в своем отношении к мужчине. Это вовсе не значит, что характерные черты фемининности вовсе отсутствуют в сказках, сюжет которых строится преимущественно вокруг мужских проблем; просто эти черты чаще всего не очень ярко выражены.

Для женщины фигура Земной Матери является отчасти Тенью, отчасти самостью, чем-то вроде автопортрета фемининного начала; эта фигура аналогична архетипу «мудрого старца» в мужской психике, который является воплощением духовности в чистом виде.

С фигурой Земной Матери тесно связана фигура ее дочери, богини-девственницы Кору. В мифе Кору с трудом можно отделить от матери Деметры. Часто мать и дочь образуют пару противоположностей, составляя при этом единое и неделимое целое. В некоторых сказках (как, например, в «Белоснежке»), главной героиней является дочь. Эта женская фигура побуждает Эго идентифицироваться с ней. Для женщины она становится неким подсознательным прообразом соответствующей установки Эго в процессе индивидуации.²⁶

В сказках и мать, и дочь часто наделяются сверхъестественными чертами: как божественными, так и дьявольскими; чаще, наверное, такими чертами обладает мать, ибо, как известно, образ дочери ближе к человеческому Эго. Но не следует забывать, что в судьбе дочери проявляется обезличенная судьба богини, а не судьба обычного человека. Мы можем, конечно, проводить сравнение ее судьбы с человеческими судьбами, и даже должны делать это, чтобы идентифицировать себя с ней, но при этом следует отдавать себе отчет, что таким образом мы низводим события, происходящие в «ином мире», до уровня моральных переживаний обычных людей.

Во многих сказках, в которых присутствует образ дочери, читатель может сопереживать сказочной героине, которая становится невинной жертвой демонической Земной Матери. Хотя материнская фигура тоже обладает типичными фемининными чертами, женщинам труднее с ней идентифицироваться, и не только потому, что она часто совершает дурные поступки. Ведь существуют и позитивные образы Земной Матери, но по большей части они слишком отчуждены от Эго, чтобы им можно было сопереживать. Однако в последние годы появляются характерные признаки того, что архетип злой и страшной ведьмы начинает овладевать женщинами.

Если задуматься, например, о процессах развития моды, киноиндустрии или популярной музыки – явлений массовой культуры, то можно увидеть, что с начала XX в. женщин стали идентифицировать с ведьмами и вампирами. С одной стороны, такая идентификация может свидетельствовать о том, что современной женщине стало многое известно о ее Тени. С другой стороны, это явственно показывает, что людям присущи определенные демонические черты. Человек, жизненная установка которого становится все более рациональной, все меньше и меньше противостоит идентификации с самостью. Женщине следует понять, что она

²⁵ Ibid. Par. 191ff.

²⁶ Более подробное обсуждение психологического значения главного сказочного героя и героини можно найти в книге: Von Franz Marie-Louise. An Introduction to the Interpretation of Fairy Tales. Zurich: Spring Publications, 1973.

является лишь сценой, на которой разыгрывается драма взаимоотношений матери и дочери, а вовсе не актрисой, исполняющей ту или иную роль.

Если из сказок братьев Гримм выбрать те, в которых более или менее полно и подробно представлены проблемы феминности, то мы не без удивления заметим, насколько часто возникает тема преследования падчерицы мачехой. (Столь же часто встречается тема глупого сына или сына-тугодума в сказках, ориентированных на проблемы маскулинности.) Создается впечатление, что сказки, в которых достаточно подробно описан процесс женской индивидуации, просто не могут обойтись без темы преследования. Остается предположить, что женщине, обреченной на индивидуацию, необходимо заключить договор с темной материнской фигурой: сначала предстающей в форме ее индивидуальной Тени, а затем – как часть ее самости.

Одна из особенностей злой мачехи заключается в том, что от нее нельзя скрыться. Мачеха преследует героиню до самой смерти. Эта символическая смерть – необходимое условие возрождения, в психологических терминах – начало осознания, поэтому можно утверждать, что у истоков индивидуационного процесса стоит именно злая мачеха. Иначе говоря, если наступает индивидуальное или коллективное осознание новых феминных ценностей (в таком случае в конце сказки главная героиня обычно становится королевой), то сначала эти ценности обязательно должны подвергнуться преследованию со стороны темных сил феминности, пока не укрепятся в женщине или в обществе настолько, что темные силы потеряют над ними власть, или в соответствии с сюжетом сказки, пока «злая волшебница не доведет себя до смерти».

В одних случаях этими волшебными, сверхъестественными способностями наделяется именно материнская фигура; в других такими чертами обладает дочь, как, например, в сказке о Белоснежке. В таком случае мачеха воплощает по большей части Тень и совсем немного – фигуру самости. Но, как уже отмечалось, в таких сказках часто присутствуют две материнские фигуры: светлая и темная – и тогда светлую фигуру в какой-то мере можно рассматривать как символ самости.

Можно сказать, что на индивидуальном уровне образ преследуемой дочери может символизировать женщину с негативным отношением к матери, т. е. с негативным материнским комплексом. Вообще у такой женщины могут оказаться серьезные нарушения в инстинктивной сфере.

Поскольку в нашей христианской культуре эрос остался на недоразвитом, варварском уровне, становится понятно, почему одних женщин отвергают самым грубым образом, тогда как другие используют любовь для достижения своих эгоистичных целей. Им следовало бы достичь высшей, более осознанной формы эроса. Однако они получают укол в спину от своей внутренней темной матери, толкающий их к сохранению бессознательного уровня и избеганию боли, связанной с обретением осознания. Образ мачехи, которая стремится затоптать первые проблески жизни у сказочной героини, обычно проецируется на родную мать или на других женщин. Нужно пройти определенный путь, чтобы убедиться в том, что преследовательница, от которой невозможно скрыться, находится у нее внутри. В результате этого развития героиня осознает, что живет в разладе с собой. Только совершив серьезную внутреннюю работу, можно понять всю глупость наших традиций, затрагивающих сферу эмоций.

Юнг считал, что женщина с негативным отношением к матери, с негативным материнским комплексом, имеет, по всей видимости, значительно больше шансов достичь высокого уровня осознанности.²⁷ Это объясняется тем, что внутреннее психологическое состояние побуждает ее фундаментально пересмотреть свою феминную сущность. Можно утверждать, что она не сможет быть полноценной женщиной, пока не достигнет необходимого уровня осознания.

²⁷ Psychological Aspects of the Mother Archetype // The Archetypes and the Collective Unconscious. CW 9i. Par. 184ff.

Сказки, в которых рассказывается о мачехе, предлагают возможное объяснение, почему это именно так. Отвергая свою мать, женщина фактически отвергает источник своей жизни, свою глубинную сущность. Это отвержение вызывает у нее глубинное расщепление личности, которое метафорически отражается в начале таких сказок. Женщина, которую олицетворяют сказочные героини, на самом деле совершенно себя не знает. Она слишком хорошо видит плачевные проявления своей фемининной сущности, чтобы внутренне ее принять. Поэтому она не может избежать страдания, которое становится условием ее личностного роста и индивидуации.

Если женщина не знает своих теневых черт, она теряет связь со своей инстинктивной сферой. Фемининная часть мужской психики, анима, тоже может расщепляться на светлый, более одухотворенный образ, и теневой образ, связанный с влечениями. Во многих сказках женские образы имеют темную и светлую стороны. Этот психологический факт является характерной особенностью современной патриархальной культуры. В результате женщина никак не может стать цельной личностью.

Несомненно, что мужчина тоже страдает от подобного расщепления – расщепления анимы, но страдания имеют для него несколько иной смысл. Неудовлетворенность из-за расщепления анимы в основном ощущают талантливые мужчины, которые обладают творческими способностями; мужчина с расщепленной фемининностью не может создать нечто по-настоящему новое. Но женщине такое расщепление вообще мешает жить в соответствии с ее сущностью.

В сказках о злой мачехе существует острый конфликт между фигурами матери и дочери, и он часто заходит так далеко, что мачеха пытается даже лишить падчерицу жизни. Не каждая сказка дает нам четкое представление, почему мачеха оказывается такой злой. В сказке о Белоснежке она злится из-за ревности. Ревность – это оборотная сторона любви. Именно она придает любви горечь и ставит препятствия на ее пути. Но когда ревность испытывает жуткая, злая мачеха, нужно искать новые ценности, способные противостоять этому чувству, которое возбуждает все худшее, что есть в человеке.

Тщеславие и ревность неотделимы от образа Земной Матери, ибо она воплощает дикую, необузданную страсть. Но женщина может преодолеть темную сторону любви, только испив до дна свою горькую чашу. Поэтому ревнивая королева приносит Белоснежке и смерть, и возрождение.

Новые фемининные ценности возникают в результате конфликта двух фемининных тенденций, которые воплощаются в сказке в образах мачехи и падчерицы, так как новое может появиться только в результате разрешения острого конфликта. В образе падчерицы воплощаются новые ценности, которые хотят обрести право на существование. Дочери, подвергавшиеся преследованию, в конце сказок обычно становятся королевами, а это значит, что самой судьбой им предопределено оказаться на вершине власти. Но они становятся королевами, лишившись в начале сказки всех своих привилегий; прежде чем превратиться в королев, они, как Белоснежка, почти всегда должны пройти через смерть, которая является психологическим аналогом полной трансформации.

Белоснежка

Сказка начинается с того, что в середине зимы королева сидит и шьет у окна во дворце. Она случайно укололась иголкой, и на снег под окном упали три капли крови. Когда она увидела этот окровавленный снег, у нее появилось странное желание: она захотела родить дочь: белую, как снег, красную, как кровь, и темную, как черная оконная рама. Ее желание исполнилось, но вскоре после рождения девочки она умерла.

Это небольшое вступление дает некоторое представление о ситуации, с которой начинается сказочная история. Королева, которая вскоре умрет, хочет родить дочь, и ее желание исполняется. Это значит, что в какой-то мере произошло обновление фемининности: изменился либо образ анимы у мужчины, либо фемининная часть личности женщины.

Сказочные женские персонажи обычно символизируют эмоциональную жизнь или особенности человеческих отношений. Как правило, у женщин, в отличие от большинства мужчин, проблема духовности не стоит на первом месте. Именно поэтому мужские сказочные персонажи, особенно короли и принцы, часто символизируют духовную установку или духовную жизненную философию.

Тогда смерть королевы можно интерпретировать как исчезновение у женщины прежней связи со своей эмоциональной сферой, а у мужчины – как исчезновение анимы, связанной с образом матери. Можно попытаться представить себе, что имеется в виду, когда говорится об особенном отношении каждого человека и каждого поколения к эмоциональной сфере, а также о том, что в ходе истории, как и в человеческой жизни, бывают периоды обновления и возрождения. Например, в эпоху романтизма мужчины могли громко плакать в присутствии посторонних людей. Позднее такое поведение стало считаться неуместным. Говоря об эмоциях, мы имеем в виду не только эмоциональные связи, существующие между людьми, но и чувства по отношению к разного рода ценностям, в частности, в области искусства или религии.

В нашем случае смерть королевы могла бы означать отказ от прежних эмоциональных отношений. Однако взамен старых появляются новые эмоциональные связи, воплощенные в образе Белоснежки. Это новое и увидела королева, когда обратила внимание на три разных цвета. Образы королевы, которой скоро предстоит умереть, и холодной зимы имеют символическую связь, так как зимний холод символизирует состояние эмоциональной холодности. Зимой жизнь в природе замирает.²⁸

Приходит нечто новое – Белоснежка; при этом характерно, что ее образ сопровождает число три: сначала три капли крови, затем три цвета. Уже не кажется случайным, что в сказке выведены три женских персонажа: королева-мать, Белоснежка и ее злая мачеха. Известны триады древних богинь, в частности, триада Деметры, Керы и Гекаты.

Деметра – это материнская фигура, Кера – фигура дочери, а Геката – богиня луны и колдовства, присутствующая при похищении Керы. Богини судьбы тоже часто образуют триады (например, три Мойры).

Позже в нашей истории появятся семь гномов, и тогда вместе с принцем, будущим женихом Белоснежки, в сказке будет восемь мужских персонажей. Число семь значимо, так как оно предшествует восьми. Число восемь – двойная четверица – обычно указывает на новую целостность, а число три – на динамическое развитие в направлении четырех, на эволюционное разделение единого целого на две противоположности.²⁹ В таком случае мы можем говорить об эмоциональном развитии, которое проходит через конфликт.

Единичность, или изначальная целостность, символически воплощается в образе умирающей королевы. Она символизирует состояние, в котором человек сохраняет свою целостность, а потому не имеет проблем, так как у него еще не сформировались противоположности.

В этой темноте бессознательного появление Белоснежки становится лучом света. Она – словно белый снег на темной оконной раме.³⁰ Белый цвет – это цвет невинности и чистоты; это цвет дневного света, содержащего остальные цвета спектра. Он может символизировать

²⁸ В сновидениях людей холод и плохая погода часто символизируют депрессию. Но, как правило, состояние депрессии порождает нечто новое.

²⁹ См.: A Psychological Approach to the Dogma of the Trinity // Psychology and Religion. CW 11.

³⁰ Если сопоставить эти цвета со стадиями алхимической трансформации, то образ Белоснежки будет ассоциироваться с состоянием *albedo*, которое следует за состоянием *nigredo*. У нее много общего с Луной, белой госпожой алхимии. В образе Белоснежки также можно найти определенное сходство с душой, которую в учениях гностиков называют девой света.

чистоту или искренние, наивные эмоции, которые чаще всего встречаются у маленьких девочек. Именно по этой причине он связан с образом маленькой девочки, особенно в начале сказки, хотя, несомненно, имеет универсальный смысл. Во внутреннем мире мужчины тоже есть нечто, ассоциирующееся с Белоснежкой, т. е. наивная анима. Мужчинам могут сниться такие образы. То же самое можно сказать о фигуре злой королевы-мачехи, ибо тщеславие и ревность нельзя назвать качествами, которые присущи только женщинам.

В образе Белоснежки воплощаются изначальные, неподдельные эмоции, без всякой примеси эгоистической фальши или вторичной выгоды. Характерный для нее белый цвет может символизировать и духовность, ибо имеет прямое отношение ко всему божественному и сверхъестественному. Он ассоциируется с чем-то неземным. С самого начала он символизирует эмоции, которые сохраняют искренность и наивность, ибо еще не столкнулись с неоднозначностью жизни.

Но образ Белоснежки связан и с черным цветом оконной рамы, и в особенности – с алым цветом трех капель крови на белом снегу. Черный цвет ассоциируется со злом и мраком, а алая кровь, контрастирующая с холодной белизной снега, символизирует тепло, жизнь, эмоциональность, иначе говоря, активное проявление симпатии. Черты личности, которые символизируют черный и красный цвета, были привнесены в жизнь Белоснежки извне, причем в негативной форме благодаря усилиям страстной и злой мачехи – женщины, которая вышла замуж за отца Белоснежки после смерти ее родной матери и которая не смогла смириться с тем, что падчерица оказалась красивее ее.

По характеру мачеха – полная противоположность главной героини. Как только в психике появляется нечто яркое, как, например, образ Белоснежки, то сразу формируется и его противоположность – воплощение абсолютной, дикой злости, и начинается борьба между добром и злом.

О мачехе в сказке говорится следующее: «Она была горда и самонадеянна и не могла вынести мысли, что кто-то может превзойти ее по красоте». В другом месте сказки можно прочесть такие слова: «И зависть, и высокомерие стали расти в ее сердце, как сорняки: все выше и выше, поэтому она не могла успокоиться ни днем, ни ночью». Ее основные черты – тщеславие и ревность, способные все погубить. В отличие от светлой природы, связанной с Белоснежкой, она воплощает ревнивую, эгоистичную установку, окрашенную соответствующими эмоциями. Такую установку можно видеть у людей, у которых «эмоциональное» отношение к другим людям вытесняется любовью к себе; с другими они строят только выгодные для себя отношения. Существуют также и матери, которые любят своих детей так, что готовы удушить ребенка в своих объятьях.

Таким образом, конфликт между Белоснежкой и злой королевой может указывать на столкновение двух установок в психике женщины. В подобном случае идеальные положительные эмоции сосуществуют с эгоистичными склонностями. Ревность, воплощенная в образе королевы-мачехи, по сути, отрицает любовь, а значит, пытается ее погубить. В основном поступки мачехи диктуются не любовью, а жадой власти, потребностью в доминировании над другими. Ревнивец стремится к единоличной власти над значимым для него человеком. Только женщина, которая безраздельно находится под властью бессознательного, никогда не сталкивается с такими проблемами. Как правило, такого рода конфликт заставляет человека развиваться, а это можно сделать, только осознав свой эгоизм. По существу, сказка о Белоснежке иллюстрирует процесс эмоционального развития, в ходе которого человеку приходится болезненно осознавать свои внутренние противоречия.

Обратимся теперь к некоторым деталям. У злой королевы есть зеркальце, которое говорит ей правду и которое всегда помогает ей узнать, где и как живет Белоснежка. Королева спрашивает: «Зеркальце мое, скажи, кто на свете всех прекрасней?» – и получает ответ. С одной стороны, зеркальце – это инструмент подкрепления ее тщеславия, но, на самом деле,

его функция гораздо шире: для королевы это источник информации о других людях, а значит, оно является воплощением высшего разума. Благодаря зеркальцу королева становится всевидящей и всемогущей. (Богини Геката и Луна также считались всевидящими.) В разных странах в разные эпохи существовала общая идея, связанная с возможностью видеть самые отдаленные события с помощью волшебного зеркальца, которое знает о человеке больше, чем он знает о себе сам.

Обычно мы используем зеркало для того, чтобы узнать, как мы выглядим. Оно отражает нашу внешность; символически оно указывает на процесс рефлексии, созерцания с целью самопознания и получения инсайта. Королева же использует его волшебные свойства, чтобы следить за другими. Зеркало становится инструментом ее ревности. Это значит, что теневая сторона женщины – или мужской анимы – не по назначению использует то, что само по себе обладает позитивными качествами. Есть нечто дьявольское в том, что зеркальце всегда говорит королеве правду. Оно безжалостно толкает человека на конфликт. Поэтому в одной из версий этой сказки информацию королеве-мачехе сообщает не зеркальце, а злой дух.

Когда королева впервые слышит о том, что Белоснежка превосходит ее по красоте, она приказывает егерю убить девушку, но ее затея не удается. Егерь жалеет Белоснежку, сохраняет ей жизнь и дает ей возможность спастись. Он непосредственно связан с дикими животными, которые в сказке символизируют человеческие инстинкты. Его жалость и милость к Белоснежке и содействие ее побегу могут быть истолкованы так: при внутреннем конфликте со здоровым инстинктом или природной установкой человек оберегает позитивные эмоции от посягательства зла. Иногда людям бывает достаточно лишь здорового инстинкта, чтобы защитить себя или свою лучшую часть от посягательств сил тьмы.

В образе егеря воплощается психологическая сущность, которая называется анимус; анимус – это маскулинная часть женской психики, разновидность духовности, которая необходима для индивидуального развития женщины. Если такое развитие не происходит, женщина становится жертвой негативного анимуса. Вместо серьезной рефлексии она проявляет самоуверенность и склонность к догматизму, т. е. становится одержимой своей пагубной маскулинностью. В сказках встречается ряд символов фатального анимуса, например, это образ Синей Бороды, убийцы женщин, или образ главаря разбойников в сказке «Разбойник-жених».

Как правило, позитивный анимус воплощается в образе Прекрасного Принца, которого любит главная героиня, по которому она тоскует и за которого она, в конечном счете, выходит замуж; он символизирует ее подлинную, осознанную интегрированную маскулинность. Женщина, обладающая позитивным анимусом, является энергичной, инициативной, одухотворенной, религиозной, при этом ее духовность не вступает в конфликт с ее сущностью.

Чтобы обмануть злую королеву, егерь принес ей печень и легкие животного, которые та принимает за внутренности Белоснежки и с удовольствием их съедает. Ее материнство – потребительское, она буквально хочет съесть тех, о ком обязана заботиться; ее материнство не идет ни в какое сравнение с «дающей» матерью, любовь которой придает ребенку силы. Злая королева воплощает характерную тенденцию тратить свои эмоции только на себя, нанося тем самым ущерб объекту своей любви. Человек с такими личностными особенностями причиняет вред не только другому, но и своей внутренней Белоснежке.

Белоснежка оказалась за семью горами от королевского дворца и добралась до домика, в котором жили семь гномов. Ее бегство через горы символически означает определенную стадию в развитии женщины, обусловленную внутренним конфликтом. Семь гор могут символизировать, например, семь стадий алхимической трансформации, которая тоже воплощает стадии личностного развития. Подразумевается, что человек должен достичь высшего уровня; но прежде нужно спуститься в долину, в центр конфликта. После этого мы увидим конфликт в иной перспективе и сможем посмотреть на него «сверху вниз». Он будет выглядеть менее близким, и мы сможем подняться над собой и своими страстями.

Перебравшись через горы, Белоснежка нашла себе пристанище у семи гномов. В чем заключается психологический смысл образа семи гномов? Как правило, в мифологии и суевериях гномы – это искусные и трудолюбивые существа, напоминающие кабиров, которые одевали греческого бога Гефеста. Часто они владеют тайными сокровищами или занимаются их раскопками; в этой сказке они добывают золото. Иначе говоря, они занимаются поисками глубинных ценностей. Кроме того, согласно народным поверьям, гномы имеют доступ к тайным знаниям и мудрости и время от времени дают советы, которые могут быть и курьезными, и полезными.

Еще одна существенная особенность сказочных гномов – их небольшой рост; в сказке на этом делается особый акцент, когда Белоснежка входит в их жилище. В сказке говорится: «У них в домике все было маленьким, но так опрятно и аккуратно, что трудно выразить словами». Можно предположить, что малые размеры подчеркивают относительность привычной для нас меры. Войдя к гномам, Белоснежка попадает в мир иной размерности. Такое ощущение возникает у людей, когда они вступают в контакт с глубинными уровнями бессознательного. Полное преодоление серьезного конфликта, подобного тому, о котором говорится в сказке о Белоснежке, может помочь человеку установить связь с такими глубинными слоями психики, в которых пространство и время становятся относительными.³¹ Небольшой рост гномов означает также психологические возможности, которые кажутся незначительными, а в действительности являются весьма значительными.

Короче говоря, мы можем считать гномов воплощением той благотворной, творческой, духовной силы, которая помогает Белоснежке разрешить конфликт, который сначала кажется неразрешимым. Многочисленность гномов, в отличие от одинокого принца, который окончательно разрешает конфликт, тоже свидетельствует о том, что творческая духовная сила по-прежнему остается неинтегрированной. Вместо одного большого прожектора семь маленьких светлячков. С точки зрения психологии это может означать, что существует много полезных идей и инсайтов, но нет общего связного взгляда или логической цепочки мыслей, которые помогают разрешить конфликт.

Гномы разрешили Белоснежке поселиться у них в домике при условии, что она станет выполнять всю домашнюю работу. Чтобы жить вместе с этими маленькими духами, ей следовало хорошо потрудиться, а не сидеть сложа руки. Так и женщина, у которой существует внутренний эмоциональный конфликт, может получить какое-то, пусть временное, облегчение, занявшись дополнительной внутренней работой – очищением своего психического пространства.

На какое-то время Белоснежке удалось скрыться от своей преследовательницы; но злая мачеха узнала от волшебного зеркала, что падчерица осталась жива и где она находится. Прибегая к разным хитростям и уловкам, она пыталась добраться до Белоснежки и убить ее. Такие уловки типичны для ведьмы. Сначала, одевшись бродячей торговкой, она пришла к Белоснежке и, продавая ей тесьму, так затянула ее вокруг шеи девушки, что едва ее не задушила. Она перекрыла ей доступ воздуха. На символическом языке воздух означает духовную сферу. Не давая Белоснежке дышать, мачеха лишает ее доступа к духовности; в реальной жизни это символическое указание на ограничения, с которыми мы сталкиваемся, если принимаем в расчет только конкретную реальность.

Потерпев неудачу в первой попытке убить Белоснежку (благодаря своевременному вмешательству гномов), злая королева не оставила своих намерений погубить ее: второй раз она

³¹ В отношении общего значения появления гномов в сновидениях и сказках Юнг пишет, что, по всей вероятности, они имеют связь со странной неопределенностью пространственных и временных отношений бессознательного: «Человеческое ощущение пропорций, его рациональное представление о большом и малом... теряет свою достоверность... в тех областях коллективного бессознательного, которые выходят за рамки человеческой жизни» (The Phenomenology of the Spirit in Fairytales // The Archetypes and the Collective Unconscious. CW 9i. Pars. 408, 413).

попыталась сделать это с помощью отравленного гребня; и, наконец, приняв вид простой крестьянки, она угостила девушку отравленным яблоком. Яд традиционно считается женским оружием и в реальной жизни, и в психологической интерпретации. Как правило, мужчины нападают на своих врагов открыто, хотя иногда их анима может быть ядовитой. В сказках же яд в основном применяют ведьмы – персонажи, воплощающие теневую сторону женщины. Действие такого яда очень опасно и практически незаметно.

Гребень нужен человеку, чтобы привести в порядок волосы. Волосы обычно символизируют бессознательные мысли и фантазии. Некоторые мысли созревают в человеческом сознании, и тогда они поддаются контролю; но существуют и другие мысли, которые с трудом поддаются осознанию – их часто символизируют нечесанные и спутанные волосы. Они спадают с головы, затем обвиваются вокруг нее, как змеи. Таким образом, попытка отравить Белоснежку с помощью гребня может символически означать нанесение вреда самому себе посредством своих бессознательных, ядовитых мыслей и замечаний, убивающих подлинные эмоции. У мужчины также могут развиваться мысли, враждебные его эмоциям, которые берут начало в его негативной аниме.

В последний раз королева-мачеха попыталась погубить Белоснежку с помощью отравленного яблока. В мифологии этот плод обычно считается символом любви. Он ассоциируется с богиней любви Венерой. Но в библейской истории вкушение яблока Адамом и Евой привело их к осознанию иной морали. Поэтому яблоко ассоциируется не только с любовью, но и с осознанием. В нашей сказке одна половина яблока красная, другая белая – сочетание цветов, которые играют важную роль в жизни Белоснежки. В данном случае белизна холодного снега и алый цвет крови составляют сферическое целостное единство.

Злая королева олицетворяет ревность, но в более широком смысле этот образ служит воплощением эгоизма. Мачеха отравила красную половину яблока. Это вполне закономерно, ибо, как известно, красный цвет ассоциируется с раскаленной докрасна страстью, но эта страсть является пагубной и грозит гибелью; это страстная любовь, которая подчиняется Эго и предъявляет требования, а не выражает истинного расположения к другому человеку. Разумеемся, установка, воплощенная в образе злой королевы, приводит к пагубному извращению эроса. Переодетая мачеха приносит Белоснежке роковое яблоко как символ любви, но это фальшивая и ядовитая любовь.

Эрос не может долго подчиняться никакому закону, независимо от того, основан он на власти или на удовольствии. Люди, которые в течение какого-то времени превратно понимают суть эроса, могут стать фригидными или импотентами. Женщина, которая вышла замуж за мужчину, соблазнившись его богатством или социальным статусом, не осознает, что отравилась собственным яблоком, так как использовала любовь в эгоистических целях.

Есть много других способов отравить или извратить эрос; один из известных нам примеров – эгоистическое желание получить удовлетворение. Это можно наблюдать у человека, который вступает в отношения с неподходящим для себя партнером – просто, чтобы получить удовольствие. Страстная любовь или сексуальность сами по себе не могут содержать зло или негатив, в чем нас пытается убедить старомодная мораль, но они превращаются в отравленное яблоко, если служат только эгоистическим целям или мыслям. Тогда они могут погубить эмоциональную жизнь человека. Иначе говоря, тогда умрет Белоснежка, которая символизирует истинные эмоции. Белоснежка пока еще слишком наивна, чтобы сопротивляться этому напору зла, и уступает ему.

На этот раз гномы уже не сумели вернуть ее к жизни, но когда пришло время ее хоронить, они не смогли положить ее тело в черную землю, ибо не увидели в нем никаких признаков расположения. Щеки девушки были по-прежнему свежи и румяны. Поэтому они положили ее в стеклянный гроб, который оставили на вершине горы, где могли постоянно его охранять. На гробе они написали золотыми буквами имя Белоснежки, это означало, что здесь покоится королев-

ская дочь. Надпись подчеркивает особый статус Белоснежки; в стеклянном гробу лежит не обыкновенная девушка, а принцесса, рожденная стать королевой.

Для простых людей королева была подобием богини, олицетворяя власть, которой следовало поклоняться. Наверное, такой властью в психике человека обладает и образ Белоснежки. Действительно, в данный момент она кажется мертвой, но если она оживет, то станет королевой и будет править на всей территории королевства. Она станет воплощением высшей надличностной внутренней ценности, которая может управлять психикой, упорядочив существующий в ней хаос, так как символизирует истинный эрос и подлинную любовь.

О смерти Белоснежки скорбели не только гномы; к гробу приходили животные, прилетали птицы и оплакивали эту потерю: сначала сова, затем ворон и, наконец, голубь. Это может означать, что вся природа оплакивает смерть подлинных эмоций.

Смерть Белоснежки – событие парадоксальное. С одной стороны, это величайшая трагедия, но, с другой стороны, появляется ощущение, что в чем-то эта смерть оказалась неизбежной, что она была необходима для появления новой жизни и для счастливого завершения сказки – соединения Белоснежки с Прекрасным Принцем.

Символически смерть означает не окончание, а состояние перехода, трансформацию. Отношение к смерти имеет в человеческой психике глубокие корни; именно поэтому в мифологии и религии так часто встречаются таинства смерти и воскрешения, которые по своей сути означают метаморфозы. Обычный человек тоже иногда должен проходить через символическую смерть, чтобы изменить или обновить свою жизнь. В этом случае эротическое начало тоже должно трансформироваться, пройдя через состояние смерти. Даже в образе ужасной матери бессознательное может служить объединяющим принципом. Смерти избежать нельзя, но она может быть не реальной, а символической. Умерев, Белоснежка превращается из наивной девочки в принцессу, в невесту принца. С точки зрения психологии, это означает, что эмоции, которые прежде были неестественными, незрелыми и наивными, обрели зрелость после того, как прошли весь процесс трансформации.

Итак, нам только кажется, что Белоснежка умерла, отравившись ядом; в сказке отмечается, что ее тело не подверглось разложению. Так в сказке символически передается идея вечности человеческого бытия. Видимо, к такому заключению нас подводит свойственное психике ощущение бессмертия.

Стеклянный гроб, в который гномы положили Белоснежку, – это холодный, невидимый покров, который ограждает ее от жизни. В некоторых сказках принцесс запирают в хрустальные дворцы или помещают на вершину неприступной стеклянной горы. Белоснежка лежит в стеклянном гробу в состоянии, напоминающем смерть; ее можно видеть, но к ней нельзя прикоснуться. Таково символическое выражение состояния одиночества и эмоционального отчуждения от жизни. В таких случаях человек живет как бы наполовину.

Тщеславная, эгоистичная часть психики тайно отравляет и парализует личность. Гроб также является символом ужасной матери, т. е. смертоносного материнского начала.³² Старая королева стремилась уничтожить эмоции. И она добилась того, что они оказались заперты и «законсервированы».

Конец сказки хорошо известен: Принц снимает с Белоснежки заклятие. В сказках представлено много разных способов, которыми пользуются принцы, чтобы получить свою невесту. Они могут совершить геройские подвиги, например убить дракона, или, как в сказке «Спящая красавица», поцеловать девушку, чтобы своей любовью пробудить ее от смертельного сна. Но в этой сказке Белоснежку возвращает к жизни нелепая случайность; по крайней мере, именно так описан этот эпизод. Когда слуги принца выносили гроб с Белоснежкой, один из них слу-

³² В древнем Египте внутри гроба изображалась материнская фигура, которая как бы содержала в себе мертвое тело.

чайно споткнулся о придорожный камень. Кусок отравленного яблока выпал у принцессы из рта, она ожила, открыла гроб и села.

Для нас это может значить, что последним средством спасения может оказаться не особая изощренность, а некое потрясение, которое может перевернуть все человеческие чувства.

Освободившись от своей искаженной жизненной установки, Белоснежка уже не могла оставаться такой, как раньше. Парадоксально, что такая возможность появилась у нее только благодаря злой королеве с присущим ей коварством. Таким образом королева становится частью «силы, которая хочет причинить вред, но в результате делает только добро».³³

Этот парадокс иллюстрирует относительность добра и зла. Снова и снова мы видим, что совершаемые людьми ошибки и трудности, которые они испытывают, заставляют их развиваться в том направлении, которое иначе исключалось бы. Сначала главная героиня пытается избежать своей судьбы, но это у нее не получается. Судьба не позволяет ей убежать от себя. Ей суждено быть отравленной ядом и умереть, т. е. потерять себя и пережить потрясение. Только потом она сможет жить.

Сказка заканчивается свадьбой Белоснежки и Принца и наказанием злой королевы. Брак символизирует плодотворное соединение маскулинной и фемининной противоположностей. Как отмечалось ранее, образ Принца, мужского персонажа с самым высоким статусом, может означать логос, духовную установку, имеющую приоритет по отношению к эросу девушки. Как егерь и семь гномов в начале сказки, Принц символизирует позитивный анимус. Это образ новой, освобождающейся духовной жизненной установки, включающей чуткость, религиозность, мужество и подлинное осознание своей сущности и сущности других людей.

Без тесной связи со своим анимусом зрелая женщина часто представляет собой только половину личности. «Бракосочетание» между фемининным Эго и анимусом – это *coniunctio*, достижение целостности, единство внутренних противоположностей. Другую сторону медали представляет точно такая же связь между Эго мужчины и его анимой. В обоих случаях это связь между эросом и логосом.

Если эмоциональная жизнь человека сочетается с подлинным осознанием, ему больше не грозит опасность проявления эгоцентризма и ревности, воплощенных в злой королеве, и тогда она сама доведет себя до смерти, как это и происходит в конце сказки. По-видимому, ее роль исчерпалась сразу после того, как соединились маскулинная и фемининная противоположности, ибо она символизирует темную сторону, которая лишь временно способствует процессу индивидуации.³⁴

В сказке «Белоснежка и семь гномов» ясно показано, что зло, которое психологически является негативной составляющей Тени, в зрелом возрасте начинает играть интегрирующую роль. В этом заключается одна из возможных причин особой сложности проведения психотерапевтической работы. Жестокий конфликт между светом и тенью часто становится необходимым, если нужно достичь прогресса в терапии. Недаром одно из имен дьявола – Люцифер, т. е. носитель света. Наша ревнивая королева-мачеха тоже относится к этой категории зла. Тем не менее не следует забывать, что Тень – это огромная опасность для человеческой психики. Драма далеко не всегда имеет такой благополучный финал. Нередко случается, что Тень приводит человека к гибели, а не к трансформации и зрелости.

Осмысливая эту сказку, можно понять важность осознанного страдания человека, находящегося во власти Тени. Есть люди, которые просто подавляют свою ревность и эгоизм, считая, что им не присущи эти качества. Обязательно нужно иметь в виду, что только осознанное страдание ведет к развитию, иначе это будет просто бессознательное ощущение Тени. Осознанное страдание происходит вследствие столкновения противоположностей и приносит ощущение

³³ Goethe. Faust.

³⁴ См. выше примечание 18.

ние обновления. Тогда формируется и зрелое отношение к эмоциям, и подлинное понимание себя и других. Появляется возможность для установления искренних отношений, которые основаны на доверии.

Никто не может утверждать, что достиг абсолютной целостности. Содержание сказки о Белоснежке можно считать некой идеальной моделью личностного развития женщины, которую нельзя точно повторить, но которая должна быть постоянной целью. Точнее говоря, Белоснежка – это образ богини или бессмертной души, божественной части человеческой психики. Даже если она умирает, то все равно чудесным образом возвращается к жизни, ибо воплощает изначальное человеческое переживание – приходящую с возрастом способность любить.

5

Превращения в животных

В сказках «Йоринда и Йорингель» и «Братец и сестрица» материнская фигура появляется в качестве «покровительницы животных». Главная тема этих сказок – заклятие, накладываемое темной материнской фигурой, превращение главной героини в животное и снятие этого заклятия.

В этих сказках не только ведьмы, но и положительные герои имеют тесную связь с миром животных или сами принимают их облик. В мифологии тоже есть материнские фигуры, которые связаны с животными, например, Артемида и Кибела. Ведьма в народных преданиях появляется с черным котом на плече, с маленькой собачкой или в окружении гусей. Иногда элементы ее жилища имеют животное происхождение, как, например, курьи ножки стоящей в дремучем лесу избышки Бабы-Яги.

Неудивительно, что Мать-Природа принимает облик животного. По своей сути она является воплощением растительного и животного плодородия. Под покровительством великой богини преумножаются животные и растения. Все живое служит доказательством ее мощи и существует по установленным ею законам. Именно поэтому древнеегипетскую богиню Изиду называли «сосудом, в котором происходит зачатие».

Животное обитает в определенной среде: оно не изолировано, а связано с целым миром. Природа – единое целое, и мы, пребывая в состоянии экстаза, можем ощущать это единство. Именно поэтому дионисийские ритуалы способствовали обновлению инстинктивной связи и слиянию со всей природой. Воплощение матери в образе животного помогает нам отключить сознание и следовать своим инстинктам, а значит, достичь ощущения целостности. Вот почему образы животных особенно подходят для символического выражения архетипа матери.

Особенность животных состоит в том, что они живут в мире своих влечений и инстинктов, не ограниченном сознательными и рациональными аргументами, которые так мешают людям. Они полностью следуют своей бессознательной природе. Их влечения и побуждения – это влечения и побуждения природы, иначе говоря, они подчиняются законам коллективного бессознательного для своего вида. Животные жили и до сих пор живут по этим законам. Тот, кто возвращается к Великой Матери, к альфе и омеге всей жизни, возвращается к этому абсолютному знанию, для которого образы животных служат самыми подходящими символами. Таким образом, они становятся символами целостности.

Однако у животных нет сознания, они не могут использовать речь, как люди, которые просто не могут жить без Эго. У животных отсутствует самоощущение. Например, трудно представить себе перелетную птицу, решившую лететь в Африку задолго до наступления осени. Она не чувствует никакого желания делать это, пока не придет время и в природе не наступят соответствующие изменения. К тому же она не может улететь дальше, чем позволят ее физические возможности. Ее крылья и ее желание лететь являются для нее единственной реальностью.

Как большинство символов, символы животных имеют и негативные, и позитивные аспекты. Принято считать, что животные обладают более низкой организацией, чем люди, однако в одном они определенно нас превосходят: они обладают непосредственной связью с инстинктами. Иначе не было бы такого количества религиозных учений, в которых божественность открывается человеку в образе животного или в образе, обладающем чертами животного. О том же свидетельствует наличие тотемного животного у многих первобытных сообществ, а также образы всех животных-помощников в народных сказаниях, преданиях и легендах.

Хотя у животных отсутствует сознание, часто оказывается, что они знают больше людей. Именно поэтому животные часто играют позитивную роль в наших сновидениях. Они могут символизировать часть нашей личности, сохранившую связь со своими иррациональными корнями, с глубинными уровнями психики; часто они выявляют лояльность человека по отношению к своей внутренней природе – полную противоположность невротическому эгоцентризму. Они не отягощены сознанием и идеей о смысле жизни. Поэтому животные часто символизируют внутреннюю целостность или, иначе говоря, высшую ценность.

Для нас Великая Мать воплощает физическое и инстинктивное бессознательное. Там, где существует глубинное расщепление между духом и материей и где человеческое сознание непонятным образом идентифицирует себя лишь с одной из этих двух сторон единого целого, возникает опасность негативного отношения к материнскому бессознательному. Например, злая лесная ведьма превращает человека в животное, однако, так она прекращает изоляцию Эго, либо прогрессивным способом, делая его целостным, либо регрессивным способом, делая его бессознательным. В последнем случае животное также воплощает целостность, ибо оно имеет более интегрированные реакции, чем человек, пусть и на более примитивном, бессознательном уровне. В этом смысле достижение целостности – это не прогресс, а возвращение в состояние *participation mystique*,³⁵ т. е. на более раннюю стадию психического развития.³⁶

Как и при отравлении, в превращении человека в животное участвуют невидимые силы, порожденные бессознательным. Превращение человека в животное означает исчезновение основной характеристики человека, отличающей его от животного, т. е. сознания. Отныне он может действовать только инстинктивно, жить темной, бессознательной жизнью или стать жертвой своих влечений. В древней мифе волшебница Кирка превращала мужчин в свиней, но в современную эпоху материализма многие люди также обречены на превращение в животных, ибо сугубо материалистическая установка лишает их жизнь духовной цели. Так как дух в определенном смысле – это животворное начало, существуют ведьмы, которые его парализуют, как это делает ведьма в сказке «Иоринда и Йорингель», или те, которые превращают людей в камни; иначе говоря, они делают их безжизненными и невосприимчивыми. Другие ведьмы принимают облик русалок или водяных, которые затягивают людей вглубь водоемов.

Иногда такие метаморфозы могут иметь позитивное значение, как, например, в сказках братьев Гримм «Русалка в пруду» или «Черт с тремя золотыми волосами»; в последней сказке главный герой позволяет старухе превратить себя в муравья, чтобы избежать встречи с чертом.³⁷ В сказке «Русалка в пруду» мельник и его жена обязательно утонули бы в водоеме, если бы добрая старуха мгновенно не превратила бы их в жабу и лягушку. Редукция до чисто инстинктивного поведения, или же восстановленная связь с инстинктом, спасает их от гибели, т. е. от захлестнувшей волны бессознательного.

Снова и снова человеческое сознание, идентифицированное только с одной из пары противоположностей, ищет способ сформировать исцеляющую связь с бессознательным. До тех пор пока позиция Эго не будет принесена в жертву, человек будет пребывать в предсознательном состоянии, в котором у него, как и у животного, отсутствует Эго. Так происходит, когда

³⁵ Мистической сопричастности (фр.).

³⁶ «Гениальная догадка Леви-Брюля заключается в том, что открытый им феномен, который он назвал *participation mystique*, является характерной чертой примитивного мышления. Под этим понятием он имел в виду только чрезвычайно большое остаточное слияние между субъектом и объектом... Естественно, цивилизованный человек считает, что он уже ушел от него очень далеко. Но при этом в своей жизни он очень часто идентифицируется с родителями или же со своими аффектами и предрассудками и бесстыдно обвиняет других в том, что он не замечает в самом себе» (Commentary on 'The Secret of the Golden Flower' // *Alchemical Studies*. CW 13. Par. 66).

³⁷ Такие вещи случайно происходят в сновидениях. Например, мужчине приснилось, что его преследует женщина, которая хочет его убить, и он может спастись, только превратившись в маленькую мышь, чтобы проскользнуть в щель под забором. Можно сказать, что он должен сделать все, чтобы почувствовать себя менее значимым, чтобы его не погубила его чудовищная анима.

он сопротивляется стремлению к целостности Великой Матери, которое подразумевает утрату позиции Эго.

Человек, которому трудно подчиниться бессознательному, может испытать обновление только путем такого подчинения. Тому, кто не готов на такую жертву, никогда не достичь возрождения. Если его не погубило бессознательное, на него может быть наложено пожизненное заклание, лишаящее его человеческого достоинства, например, он может попасть в какую-то зависимость, стать алкоголиком. Великая Мать – творческая натура. Если односторонне развитое человеческое Эго встанет на пути ее стремления к творчеству, то она его разрушит. Как и вся природа, она стремится к целостности, т. е. к иррациональному соединению противоположностей. Юнг говорил о ней так: «Она сопрягает темное со светлым, символизирует иерогамию³⁸ противоположностей и примиряет природу и дух».³⁹

С одной стороны, если архетип матери слишком доминирует у отдельного человека или в целой культуре, всегда есть опасность разрушения системы сознательных ценностей. Но вполне возможно, что уровень либидо снижается только затем, чтобы могло зародиться нечто новое.⁴⁰ Превращение в животных может означать временную регрессию, если впоследствии герой снова обретает человеческий облик.

Человеку, которому грозит опасность вернуться в предсознательное состояние, может присниться, что ему угрожают животные, или что он должен научиться жить с ними или приручать их. Конкретный образ животного в сновидении или сказке может указывать на то, какой тип бессознательного действует в данном конкретном случае. Далеко не всегда речь может идти о подчинении влечениям, например, голоду или сексуальности. Стадное животное может символизировать обезличенность и анонимность. Тогда человек ощущает себя одним из многих и может вести себя только так, как другие, даже если ему нужно проявить личную инициативу. Как правило, такие люди ощущают себя комфортно только в составе группы. Свидетельством тому служат многие массовые движения. Большинство людей участвуют в них только затем, чтобы заглушить свой внутренний голос, звучание которого они не могут вынести, оставаясь наедине с собой.⁴¹

Но даже потеря индивидуальности имеет позитивный аспект, если речь идет о временном состоянии, например, если в конечном счете человек освобождается от заклания – так и происходит в приведенных ниже сказках. Временное погружение в бессознательное может освободить человека от порабощения Эго, от сужения поля сознания и от его сверхрациональности. Такое погружение может проявляться в преходящем возбуждении или в сильной страсти; находясь в таком состоянии, человек часто становится похожим на животное. Есть люди, которые стремятся воплотить тот и только тот образ, который диктует им их разум и эмоциональные импульсы; рассудительными их делают трусость и эгоизм, препятствующие их личностному развитию, а достижение зрелости для них всегда связано с опасностью.

Животное существует в согласии не только с природой, но и со своим телом, и при этом оно связано также с символом матери, который олицетворяет физическую и психологическую основу человеческого бытия, – сосуд, наполненный психической энергией. В этом и состоит позитивное, животворное материнское начало, телесное побуждение, которое выталкивает человека во внешнюю жизнь.⁴²

³⁸ Иерогамия (греч.) – священное бракосочетание.

³⁹ Answer To Job // Psychology and Religion, CW11. Par. 711. Юнг говорит это, имея в виду женщину, фигуру матери, женский вариант прачеловека из Апокалипсиса. См. также: Юнг К. Г. Ответ Иову // Ответ Иову. М.: Канон, 1995. С. 198.

⁴⁰ Symbols Of Transformation // CW5. Par. 569ff.

⁴¹ На эту опасность Юнг обращает особое внимание в своей работе: «The Undiscovered Self» // Civilization in Transition, CW10.

⁴² Тело дает душе возможность существовать, но, с другой стороны, оно помещает ее в трехмерную тюрьму, и тогда душа обретает свою судьбу, которая существует в пространстве и времени.

Как нам уже известно, если в сказке человек превращается в животное, то сначала такое превращение означает возвращение к иррациональной основе психики, возвращение к матери, которое может быть опасным. Кроме того, это превращение указывает на состояние, близкое к психозу, или на общую потерю сознания и утрату моральных норм, т. е. всех типичных человеческих черт. Или же речь идет о состоянии «помрачения рассудка», о состоянии неопределенности, которое предшествует новой стадии развития сознания; нам не следует забывать, что источником всего нового является материнское бессознательное.

Самое важное в этом процессе – следующее: или человек осознанно обращается к глубинным иррациональным силам, или они его просто сокрушают.

Иоринда и Иорингель

Краткое содержание

Стоял когда-то в большом лесу старый замок, и жила в нем только одна старуха и была она самая великая колдунья. Днем она превращалась в кошку или в ночную сову, а вечером опять принимала свой человеческий вид. Она умела приманивать всяких зверей и птиц, которых она убивала, а потом варила и жарила себе на еду. Если кто-то подходил на сто шагов к этому замку, то останавливался как вкопанный и не мог сдвинуться с места, пока она не снимала с него заклятья; а если входила в тот круг невинная девушка, колдунья обращала ее в птицу запирала в клетку и уносила в одну из комнат замка. Так собрала она в замке целых семь тысяч клеток с разными диковинными птицами.

Жила-была в ту пору девушка, звали ее Иориндой, и была она прекрасней всех остальных девушек на свете. Посватался к ней такой же прекрасный юноша, которого звали Иорингель. И вот, чтобы поговорить наедине, пошли они однажды в лес.

Несмотря на предупреждение Иорингеля, они подошли слишком близко к замку. Иоринда запела песенку:

*Как птичка красногрудая все жалобно поет,
Про гибель неминучую все голубку поет,
Так жалобно, все жалобно,
Тю-вить, тю-вить, тех-тех!*

Пока Иоринда пела, она превратилась в соловья, который пел свое «тю-вить, тю-вить».

Иорингель утратил способность двигаться. Он не мог ни плакать, ни слова молвить, ни рукой пошевелить, ни ногой двинуть. Ночная сова с горящими глазами трижды облетела вокруг соловья. Солнце закатилось. Улетела сова в ночную чашу, и вышла оттуда горбатая старуха, желтая да худая; большие красные глазища, нос крючком, до самого подбородка. Она что-то проворчала себе под нос, поймала соловья и унесла с собой. И слова не мог вымолвить Иорингель. Затем старуха вернулась и сказала глухим голосом:

– Прощай, Захиэль. Как глянет месяц в клеточку, ты освободишься.

После этого Иорингель освободился от чар. Упал он перед старухой на колени и взмолился, чтобы она вернула ему назад Иоринду. Но старуха ответила:

– Никогда тебе больше не видать Иоринды.

В отчаянии ушел Иорингель оттуда и попал, наконец, в какую-то чужую деревню; там долгое время он пас овец. И вот приснился ему ночью сон, будто нашел он алый цветок, а в сердцевине его большую прекрасную жемчужину. Цветок он сорвал и пошел с ним к замку, и к чему бы ни прикасался он тем цветком, все освобождалось от злых чар; и приснилось ему еще, что и Иоринду он нашел благодаря тому же цветку.

Проснулся он утром и пошел искать по полям и горам, не найдется ли где такой цветок. Он все искал и на девятый день нашел на рассвете алый цветок. В сердцевине цветка лежала большая росинка размером с самую прекрасную жемчужину. Сорвал он этот цветок и пошел с ним к воротам замка. Он подошел к нему на сто шагов, и никто его не остановил, и тогда он подошел к самым воротам. Как только Иорингель прикоснулся цветком к воротам, они распахнулись перед ним. Когда он шел через двор, то слышал птичий голос.

Он отправился дальше и нашел зал, а в нем колдунью, и увидел, что она кормит птиц в семи тысячах клеток. Когда она увидела Иорингеля, то сильно разгневалась, стала браниться, плевать на него ядом и желчью, но не могла подступить к нему ближе, чем на два шага.

Иорингель шел по залу, не зная в какой клетке находится Иоринда. Вдруг он заметил, как старуха достала одну клетку с птицей и понесла ее к двери. Мигом бросился он за нею, коснулся цветком клетки и старухи-колдуни. Та потеряла свою колдовскую силу, а перед ним явилась Иоринда; она бросилась ему на шею, и была она такая же красивая, как и прежде. И тогда он обратил и всех остальных птиц в девушек и вернулся домой со своей Иориндой.

Они жили счастливо долгие-долгие годы.

Над созданием этой сказки явно поработал художник – так она отшлифована. И вместе с тем архетипические образы предстают здесь очень живыми, а именно в них состоит наибольшая ценность сказки.

Сказка начинается с описания фигуры темной матери – «самой великой колдуни», а также ее жилища, старого замка, стоящего в большом густом лесу. Для лучшего понимания этого главного образа нужно рассмотреть психологический смысл колдовского заклатья.

Воздействие на человека с помощью злых чар перекликается с мотивом отравления. Считается, что такие поступки являются прерогативой ведьм. Заклятие может превращать людей в животных, в растения и даже в камни. В злых чарах скрыта некая психологическая реальность, поскольку в представлении древних людей боязнь колдовства была таким же обычным чувством, как голод или жажда. Естественно, мы не можем вернуться к такому примитивному восприятию, но открытие бессознательного позволяет понять его психологический смысл. Быть заколдованным – значит быть подверженным негативному воздействию бессознательного.

Древние люди знали два вида колдовства. В одном случае человек с помощью нечистой силы использует колдовство против другого, а в другом колдовские чары исходят из невидимого источника. Но и в последнем случае предполагалось, что заклятие вызвано действием нечистой силы.

Два этих вида колдовства соответствуют двум психологическим возможностям: в первом случае один человек негативно, незаметно и необъяснимо воздействует на другого, например, мать – на своего сына или дочь. В другом случае такое воздействие оказывается, но нет полной определенности, что оно исходит от конкретного человека. В последнем случае архетип матери, если такое воздействие связано с ним, не проецируется вовне, а воздействует на человека непосредственно из бессознательного. В обоих случаях это проявление «дьявольских» сил, ибо феномен колдовских чар вызывается автономным содержанием бессознательного, обладающего властью над человеком.

Если женщина налагает заклятие на других людей, это значит, что, вообще говоря, она сама находится во власти злых чар – некоего содержания собственного бессознательного. Например, в нашей сказке колдунья не только заколдовывает других, она сама часто превращается в животных. У колдуньи есть все признаки женщины, которая бессознательно пагубно воздействует на других, так как сама не может справиться со своей демонической силой, т. е. со своей Тенью. Женщины, похожие на нее, зачастую либо просто подавляют в себе образ колдуньи, либо проживают его бессознательно, что приводит к тому же результату. В обоих случаях их внутренний конфликт не находит разрешения, и они испытывают на себе воздействие его разрушительной силы.

Они не допускают проявлений Великой Матери в своем поведении, и та превращается в мстительную богиню и незаметно воздействует на личность таких женщин. У них могут быть самые лучшие сознательные намерения, но они не могут защитить свое бессознательное от негативного влияния и потому становятся источником психического заражения. У других они стремятся уничтожить то, чего они сами лишились.

Повторяю, это разрушительное воздействие не обязательно должно исходить от другого человека. Темная мать, или колдунья, может непосредственно воздействовать на человека, который не решил проблемы, поставленные перед ним материнским бессознательным. Одним из видов воздействия на человека архетипа матери является побуждение к трансформации. Тот, кто сопротивляется изменению, подпадает под действие заклятия, связанного с регрессивной трансформацией. Великие богини древнего мира, например, Изида, тоже были опасными колдуньями, но вместе с тем они являлись хранительницами таинств и целительницами, изменяющими человечество.

Особенно часто женские божества имеют связь с двумя видами животных (в нашей сказке в этих животных и превращалась колдунья) – с кошкой и совой. Древние египтяне поклонялись богине Бает, которая имела связь с луной и изображалась в виде кошки.⁴³

⁴³ Бает – древнеегипетское божество с головой кошки, символизирующее нежное тепло бога солнца Ра, которого часто изображали в виде кота. Более подробно об этом см.: Бадж Уоллис. Египетская религия. Египетская магия. М.: Новый Акрополь, 1996. С. 59, 62. (Прим. пер.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.